

***ДОРОГИ, КОТОРЫЕ
НАС ВЫБИРАЮТ***
Михаил Романов

18+

Михаил Юрьевич Романов

Дороги, которые нас выбирают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67220811

SelfPub; 2022

Аннотация

История ленинградского школьника, поднявшегося на самую вершину власти. Его сокровенные мысли и дерзкие мечты, его верные друзья и любимые женщины.

Теракт 11-го сентября в Нью-Йорке. Что стояло за ним? Кто заработал на этом сотни миллиардов долларов?

Судьба несчастного малайзийского "Боинга". Почему из десятков самолётов, пролетавших в этом месте, был выбран именно он?

Совершенно пьяный и абсолютно голый Карл Маркс, бегающий по чинным городским улицам, размахивая шпагой. Разве такое возможно?

Российская дипломатия. Когда и почему она приказала долго жить?

Есть ли какая либо связь между всеми этими событиями? Всё это вы узнаете, прочитав книгу до конца.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Иса	7
Глава 2. Борис	20
Глава 3. Влад	32
Глава 4. Иса	44
Глава 5. Борис	57
Глава 6. Влад	70
Глава 7. Иса	84
Глава 8. Борис	95
Глава 9. Влад	109
Глава 10. Иса	121
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Михаил Романов

Дороги, которые нас выбирают

Посвящается моим двум сыновьям. Без настойчивости младшего, Миши, этой книге было бы не суждено появиться на свет. Без помощи старшего, Юры, о ней бы никогда и никто не узнал.

Предисловие

Дорогие читатели, если вы наберётесь терпения и дочитаете написанное до конца, то вы узнаете много нового, а также некоторые знакомые вещи увидите с другой, совершенно неожиданной для вас стороны.

Автор этих строк жил и работал во многих странах мира. И вот пришло время рассказать обо всем увиденном и пережитом.

Вы узнаете историю мальчика, который рос в Северной столице, мечтал о карьере разведчика и упорно шел по этому пути. Разведчиком ему было быть не суждено, зато он стал одним из самых влиятельных людей в мире. Вам узнаете о его детских мечтах и переживаниях, о первой любви, драматические подробности его службы в дружественной стра-

не и печального возвращения домой. Вы узнаете о том, как ему пришлось неожиданно начать новую, полную опасностей жизнь.

Вам станет известна история его отношений с самой известной певицей страны. А потом был стремительный, захватывающий дух взлет наверх. Затем нежданно-негаданно пришла новая любовь. И еще были очень непростые отношения с беглым олигархом, и вам наконец-то станет известна истинная причина трагической гибели великого интригана. Многим наш герой перешел дорогу, и не раз его будут пытаться убрать с пути.

Другой мальчик живет в далекой, нищей, забытой богом и выжженной солнцем стране на берегу океана. Он мечтает стать великим ученым и рассказать всему миру об истории происхождения жизни на Земле. Он идет по этому пути, но в конце концов становится одним из самых известных террористов планеты.

Вы узнаете леденящие душу, неизвестные широкому кругу подробности событий 11 сентября в Нью-Йорке. Вам станет известно о гигантской финансовой операции, начавшейся еще за несколько дней до теракта.

Третий герой беззаботно растет на берегу теплого моря, в самом веселом городе большой страны. И в самый разгар этой до неприличия счастливой юности родители увозят его в страну неограниченных возможностей. Целью его новой жизни становится богатство, которое ассоциируется у него

с заветной мечтой. Будет ли суждено ей сбыться, вы тоже узнаете.

Вам наконец-то станет понятно, почему летом 2014 года трагическая судьба постигла именно малазийский боинг, а не какой-нибудь другой из более чем пятидесяти самолетов, пролетающих каждый день в этом районе.

Это далеко не полный перечень всех приготовленных вам сюрпризов.

Три мальчика, три судьбы. Они живут очень далеко друг от друга, и их ничто не связывает. Каждому из них виделось, что он выбрал себе дорогу в жизни. Но это им только кажется, на самом деле дороги выбрали их.

Да, чуть не забыл самое главное: все герои являются лицами вымышленными, все ситуации от начала до конца придуманы, любое совпадение с реальными историческими персонажами абсолютно случайно.

Глава 1. Иса

Иса сидел на берегу океана и с грустью смотрел вдаль. Он часто приходил на это место и каждый раз открывал для себя что-то новое. Океан был для него живой, он дышал, говорил, думал, переживал. Иногда он сердился, иногда приходил в ярость, и тогда он ревел и грохотал.

Иногда его неистовство было настолько сильным, что казалось, он переполняет себя, становится больше, исчезала граница между водой и воздухом, огромные волны заливали весь берег.

Иса знал: для того чтобы успокоить его, люди должны принести жертву. Это означало, что одна рыбацкая шхуна не вернется домой или на одной из них будет на одного человека меньше. Потом долгие годы близкие будут приходиться на берег, смотреть вдаль и в глубине души надеяться на то, что, может быть, волны вынесли его на какой-нибудь остров и он живет там, потеряв память и не помня, кто он такой и откуда.

После этих вспышек ярости он, казалось, просил прощения, становился тихим, говорил ласковые слова, и сама мысль о том, что это может повториться, казалась невозможной.

Океан был для Исы живым. Он не был просто каким-то местом, где скопилось очень много воды, нет, он был живым существом со своей очень сложной системой кровообраще-

ния, которой были океанские течения, со своими частями тела, которыми были различные водные массы.

У экватора это была теплая вода, в которой лениво плавали разноцветные рыбки и росли кораллы. В высоких широтах, у полюсов, вода была очень холодной и безжизненной. Но там, где эти водные массы встречались, казалось, происходило чудо, возникала бурная жизнь.

Именно в этих районах люди вылавливали миллионы тонн рыбы, именно эти места могли прокормить все человечество.

Учитель рассказывал, что состав соли в океанской воде точно соответствует составу соли в крови человека.

Иногда к берегу подплывали дельфины, они что-то кричали, хотели что-то рассказать, но люди их не понимали. Исе часто казалось, что океан – это связующее звено между ним и богом, и тогда он говорил с ним. Иса спрашивал его, почему все так несправедливо в этом мире, и он шептал, а иногда кричал что-то в ответ. Исе казалось, что он слышал слово «иди», больше ничего разобрать он не мог. Но даже одного этого слова было достаточно, чтобы Иса понял, что он должен идти вперед, и там далеко есть какая-то цель, которая оправдывает всю его жизнь и подведет ей итог.

Иса продолжал смотреть вдаль, и иногда он видел китов. Это были загадочные существа. Они были огромны, обладали гигантской силой и, казалось, могли уничтожить все вокруг, но они этого не делали. Когда приходили рыбацкие

шхуны и начинали ловить их рыбу, они не протестовали и тихо уходили, казалось, они хотели сказать людям: «Не бойтесь нас, мы с вами одной крови». Иногда Исе казалось, что они зовут его за собой, хотят, чтобы он пошел с ними и увидел то, чего не видел еще ни один человек, хотят о чем-то его предупредить. И они уходили, выпуская огромные фонтаны и с грохотом ударяя хвостами по воде, надеясь, что, может быть, на этот раз кто-то последует за ними.

А Иса продолжал смотреть вдаль и видел проходящие на горизонте белые корабли. Они казались маленькими и шли очень медленно, но Иса знал, что это не так. Это были огромные, белые, красивые корабли, и они двигались очень быстро.

Они шли туда, где была совсем другая жизнь. Эта другая жизнь называлась «Европа». Иногда ему в руки попадали журналы, и там были фотографии. Красивые чистые улицы были застроены приятными, радующими глаз домами. По тротуарам шли хорошо одетые, улыбающиеся люди. По дорогам ехали сверкающие лаком, дорогие машины. Эти фотографии излучали собой благополучие, казалось, что у этих людей есть все и они абсолютно счастливы.

Но больше всего на этих фотографиях его волновали женщины. Они были совсем другими. Их женщины закрывали свое тело длинными черными одеждами. Они быстро куда-то шли по своим делам. Окликнуть одну из них и заговорить с ней было нельзя. Иногда они останавливались, поднимали

свои длинные платья и садились на корточки, чтобы справить малую нужду, и тогда он видел их ягодицы и бедра. На какое-то мгновение что-то сжималось у него в груди, и Иса переставал дышать. Но лица – лица были табу, их показывать было нельзя, и он их никогда не видел.

Женщины, которых Иса видел на фотографиях, были совсем другими. Они носили яркие короткие юбки, из-под которых были видны их длинные стройные ноги. Их светлые длинные волосы спадали на голые плечи. Облегающие кофточки подчеркивали талию и грудь. Они шли в обнимку с мужчинами, и никто не обращал на это внимания. В них была какая-то загадочная легкость, и она завораживала Ису. Ему хотелось оказаться рядом с ними, идти так же непринужденно, держась за руки, сидеть в кафе и пить кофе, потом подходить к дорогой машине, открывать перед ней дверь и уезжать домой в красивую виллу в пригороде.

Но иногда Иса видел этих женщин в городе.

Красивые белые корабли обычно проходили мимо, но иногда, очень редко, некоторые из них заходили в порт. Чаще всего в порт заходили русские рыболовные траулеры и базы. Русские рыбаки были добрые и щедрые. Проблема заключалась только в том, что у них не было денег – они очень мало зарабатывали. Но все местные мальчишки знали, что нужно сказать лишь два заветных слова – «Саша чейндж» – и из больших карманов русских тут же появлялись одеколон, мыло, зубная паста. Взамен они охотно брали ракушки, ко-

раллы, местные сувениры. Еще они просили алкоголь, но с этим было сложно – алкоголя в городе не было.

Намного реже в порт заходили корабли из европейских стран. Офицерам на этих судах разрешалось брать с собой жен, и они этим часто пользовались. Они спускались с трапа на причал, и в этот момент у Исы перехватывало дыхание. На них были белые полупрозрачные платья из марли, которые больше показывали, чем скрывали. Красивые светлые волосы развевались на ветру.

Но самое главное – это были глаза. Веселые, дружелюбные, они не отводили их в сторону, когда встречались с ним взглядом. С ними можно было заговорить. Они не меняли мыло и одеколон, потому что, в отличие от русских, у них были деньги. Иногда они покупали сувениры, но щедрыми и великодушными они не были.

У Исы возникало какое-то странное ощущение: эти женщины казались такими близкими и доступными, через просвечивающие платья он видел их тело, он мог смотреть им в глаза, говорить с ними, но при этом он даже представить себе не мог, что одна из них сядет на улице и справит малую нужду. Они принадлежали совсем к другому миру, в котором ему не было места, в котором он был абсолютно чужим. Через пару дней корабли уходили, а вместо них оставалась грусть.

Иса продолжал сидеть на скале, солнце опускалось все ниже и ниже. Темнота после захода солнца наступала мгновенно.

но, а ему еще нужно было добраться до города.

Город. От одной мысли о нем его начинало заполнять чувство безысходности. Он ненавидел этот город. Его грязные, пыльные улицы, старые покосившиеся дома, убогие лавки вызывали у него тоску. Казалось, город замер в ожидании чего-то, но это «что-то» так никогда и не наступало. Мало у кого в городе была работа, но даже если она у кого-то и была, то позволяла только еле-еле сводить концы с концами. По пыльным улицам ходили голодные козы. Как они находили себе пропитание, было для всех загадкой, но Иса часто видел, как козы ели старые газеты.

И еще была жара. От нее не было спасения. Она пропитывала все насквозь, заполняла все, даже самые укромные, уголки. Жара, казалось, сводила всех с ума. Но хуже всего было, когда начинал дуть горячий ветер из пустыни. Выли собаки, мужья нещадно избивали своих жен. В старые времена даже существовал закон, который освобождал мужчину от ответственности, если он в это время убивал свою жену.

Но не все в этом городе вызывало у Исы чувство ненависти, кое от чего ему было просто грустно и больно. У него всегда сжималось сердце, когда он приходил домой и видел свою бедную, замученную повседневными заботами мать. Проблема была всегда одна: чем накормить семью. Детей было много, и чувство голода было главным, что объединяло семью.

Сколько Иса себя помнил, он всегда хотел есть. Ели один

раз в день – вечером. Лепешки и овощи были главной едой в доме. Иногда Иса помогал рыбакам на берегу океана разбирать сети, и они давали ему за это рыбу. Мясо бывало только по большим праздникам, когда кто-то из родственников резал козу. Тогда старший брат шел туда, помогал разделять тушу и возвращался назад с куском мяса. После мяса с Исой происходили странные вещи. Он чувствовал какое-то возбуждение и долго не мог заснуть, а когда засыпал, то ему снились странные сны. Красивые стройные женщины с белыми длинными волосами ходили вокруг него, одетые в полупрозрачные платья, нежно его гладили и ласкали. Его переполняло ощущение счастья и наслаждения, а потом происходила какая-то вспышка, и все заканчивалось, и он крепко спал до утра.

Когда Иса просыпался, отца уже обычно не было дома, он уходил очень рано, когда еще было темно. Отец жил своей совершенно непонятной для Исы жизнью. Домой он приходил очень поздно, его красные глаза были налиты кровью, злость, казалось, переполняла его, и по любому поводу он был готов взорваться. Все боялись встретиться с ним взглядом. Он уходил в свой угол, молился и ложился спать. Утром он тихо вставал, опять молился и, виновато пряча глаза, уходил на весь день.

Отец уходил на работу, хотя назвать то, чем он занимался, работой можно было с большой натяжкой. Это было намного больше, чем просто работа, это был смысл, средство и

способ всего его существования. Без этого он не мог ходить, дышать, спать, есть, думать. Без этого он не мог жить. Отец продавал кат.

Иса ненавидел это слово. Кат был проклятием всей страны. Особенно страдали от него женщины и дети. Кат делил всех жителей города на две части: одна часть его ненавидела, для второй он был смыслом всей их жизни. Из-за ката рушились семьи, люди разорялись, умирали. Благодаря кату люди зарабатывали на жизнь, богатели, некоторые сколачивали огромные состояния.

Кат – это был наркотик. Алкоголь в стране был запрещен, употреблять его считалось большим грехом. Кат был разрешен. Это были небольшие листочки кустарника, и их жевали. Кустарник рос где-то далеко в горах. Это была целая индустрия, которая функционировала как часы. Кат выращивали далеко в горах, срезали, перевозили, паковали, продавали и жевали. Кат перевозили на арбах, и ни один листочек не должен был упасть в дорожную пыль. Торговцы с любовью связывали веточки в пучки и бережно сбрызгивали их водой, чтобы они не завяли под лучами жгучего полуденного солнца. Все это делалось с такой страстью, с такой любовью, с таким увлечением, в отличие от всего остального, что происходило в городе. Все остальное делалось лениво, медленно, неохотно и безразлично.

Иногда Иса думал о том, что если всю эту огромную энергию, которую забирал себе кат, направить на что-нибудь дру-

гое, то их город стал бы самым богатым и процветающим городом мира.

Кат начинали жевать с самого утра. Вначале люди приходили от него в хорошее настроение, становились веселыми, доброжелательными, они чувствовали прилив сил и энергии. После полудня настроение резко менялось, люди становились злыми и раздражительными, их глаза наливались кровью, они спорили по любому поводу, казалось, были готовы убить друг друга из-за любой мелочи. К вечеру все менялось: люди сидели в полной прострации вдоль дороги, по их подбородкам текли струйки зеленой жижи, они ни на что больше не реагировали и потом медленно разбредались по домам, для того чтобы на следующий день начать все сначала.

Так продолжалось день за днем, месяц за месяцем, год за годом. Спасения от этого не было. Рано или поздно кат начинали жевать все. Единственным спасением было бежать отсюда.

Но не все, что было и происходило в городе, вызывало у Исы грусть и раздражение. Было там и то, что он любил, то, что доставляло ему радость, то, что составляло смысл и надежду всей его жизни.

Это была школа. Утром, когда Иса просыпался и открывал глаза, первое, что он видел, был земляной пол, старый покосившийся фанерный шкаф, грязные занавески на окнах, по которым ползали огромные черные мухи. Иногда в углу пробегала старая облезлая крыса, и тогда Исе хотелось опять

закрывать глаза и больше никогда их не открывать, но в этот момент он всегда вспоминал, что сегодня пойдет в школу, и сразу становилось легче на душе.

Это была обычная небольшая школа при мечети. В школу ходили только мальчишки. Девчонок учить никто и не помышлял, их выдавали замуж, и этим все их проблемы были решены. Главное, чему учили в школе, был Коран, но еще учили читать, писать, считать.

Иса учился легко, у него была светлая голова и хорошая память. Но самым важным для него в школе был Учитель.

Учитель давно заметил этого мальчика. Он был другим. У него были глаза. Глаза, в которых была глубокая печаль, которые, казалось, искали ответ на главный вопрос и не находили его.

Другие мальчишки приходили, сидели на уроках и не могли дождаться их конца. После занятий они быстро разбежались по домам, а Иса оставался сидеть за партой. Он ждал. Он знал, что Учитель будет молча проверять тетради, писать что-то в своих книгах, а потом, когда все закончит, он начнет рассказывать. Ради этого Иса был готов ждать сколько угодно.

Учитель будет рассказывать о других странах, людях и континентах. Но еще он будет спрашивать мнение Исы об этом и внимательно слушать его ответы. Несмотря на разницу в возрасте, образовании и жизненном опыте, Иса чувствовал, что они равны. Больше всего он любил слушать, как

Учитель рассказывал о появлении жизни на Земле.

Вначале наша Земля была раскаленным огненным шаром, который, бешено вращаясь, несясь в космосе с огромной скоростью. На ее раскаленной до нескольких десятков тысяч градусов поверхности не могло быть ничего живого. Воды на ней тоже быть не могло. Эту раскаленную добела массу мы можем видеть и сегодня, когда где-нибудь происходят извержения вулканов. Она выходит из-под земли на поверхность, как бы напоминая о себе: «Люди, я здесь, я никуда не ушла и всегда могу вернуться, не забывайте, откуда вы родом, мы с вами одной крови».

С другой стороны нашей Вселенной с огромной скоростью неслась гигантская комета. Она состояла из миллиардов тонн льда. Но это не был один кусок льда – это было одно огромное облако, состоящее из мелких кристаллов. Это и спасло нашу Землю.

Если бы они не встретились друг с другом, то жизнь на нашей планете так бы никогда и не появилась. Вероятность их столкновения была настолько ничтожной, что в сравнении с ней возможность выиграть шесть в лото является просто гигантской. Но тем не менее они нашли друг друга. Наша Земля не имела ни малейшего шанса уцелеть после этого столкновения, она должна была развалиться на мелкие кусочки и разлететься в разные стороны. Но, к счастью, этого не произошло. Комета зацепила нашу Землю своим краешком, совсем чуть-чуть, но тем не менее это был удар такой

колоссальной силы, что с противоположной стороны Земли от нее оторвалась значительная часть, которая стала нашим спутником Луной. Кристаллы льда окутали нашу планету, они ее охладили и сами превратились в океан. Но это не был плавный и мирный процесс превращения раскаленной массы в мирную и уютную планету. Это был чудовищный взрыв, небо смешалось с землей, гигантские массы расплавленного камня вставали на дыбы и неслись с огромной скоростью, сталкиваясь на ходу с кристаллами льда, застывая и превращаясь в будущие горы.

Удар кометы пришелся примерно туда, где сегодня находится Тихий океан, а с другой стороны Земли, откуда отделилась Луна, вылез гигантский материк, который люди назовут позднее Гондваной. Его можно увидеть и сегодня, если вырезать из географической карты все материки и сложить их вместе.

Удар был такой силы, что движение массы в направлении удара очень медленно продолжалось потом в течение тысячелетий, что и привело к расколу Гондваны и образованию материков. Возникшие расколы тут же заполнялись водой. Так образовались Атлантический и Индийский океаны, Средиземное и Красное моря.

Но это было еще не самое важное, что происходило в этот момент. Иса с жадностью слушал Учителя, но в его голове уже было множество вопросов. Ведь это же противоречит тому, что нашу Землю создал бог. Учитель, казалось, слышал

этот немой вопрос и отвечал на него.

В разных странах мира люди верят в разных богов, существует множество религий. На самом деле религия – это только способ веры во Всевышнего, и он у каждого свой. Бог же, конечно, только один. Он не знает границ между людьми, и для него мы все его дети. Но если взглянуть еще шире, то не может быть своего бога у каждой планеты, звезды, галактики. Бог может быть только один, и его владения простираются на весь наш Универсум. Если он решил создать нашу планету и жизнь на ней, то на то была его воля, и он направил безжизненную раскаленную планету и живительную влагу навстречу друг другу.

Глава 2. Борис

Борис стоял на самом верху знаменитой лестницы, круто спускающейся к морю. Это был его последний день в этом городе. Завтра он с родителями уезжал в Америку.

Все пацаны жутко ему завидовали. Шел семидесятый год, и моряки-загранщики привозили из-за кордона гипюр, кримплен и мохер. На этом делали большие деньги. Но мальчишек интересовало другое. Нейлоновые водолазки и шуршащие плащи-болоньи. Их привозили из Италии, куда заходили почти все суда на обратном пути домой. Они стоили недешево, но если поднапрячься и подкопить денег, то можно было себе позволить даже это.

Но было еще кое-что, чего не мог себе позволить никто. Это были американские джинсы. Их покупали только для себя те моряки, у которых не было семей и кому не надо было везти подарки многочисленным родственникам. Никто не понимал, почему хлопчатобумажные, покрашенные индиго штаны стоили почти месячную зарплату инженера.

Поехать в Америку означало автоматически получить доступ к источнику: там в джинсах ходили все, включая безработных. Вообще с этими безработными было все совершенно непонятно. Они ездили на больших машинах, имели квартиры, носили джинсы, курили «Мальборо» и при этом еще и жевали жвачку. Как это все можно было себе позво-

лить на пособие по безработице, было совершенно непонятно. Но факт был налицо.

Не все приезжающие в Америку становились сразу же миллионерами, но социальное пособие гарантировалось всем без исключения.

Эти радужные перспективы делали Бориса в глазах его друзей чем-то вроде небожителя. От одной мысли, что когда-нибудь он приедет в город своего детства, сойдет с трапа корабля, одетый в джинсы и плащ-болонью, с сигаретой «Мальборо» в зубах, захватывало дух.

Джинсы были не просто статусным символом, джинсы были намного большим – они были пропуском в рай. В джинсах пускали без очереди в рестораны, на танцы. Но самое главное – на владельцев джинсов на улицах оборачивались девчонки, их взгляд затуманивался, и они были согласны на все, даже на свидание.

Детство Бориса прошло в этом большом южном городе, который вдохновлял на творчество многих известных поэтов, писателей и художников. Все они писали о том, что это особенный и необычный город. Сам Борис этого не чувствовал. Он здесь родился, рос, и это был просто его город, другого он не знал. Даже в отпуск они с родителями никуда не ездили. Обычно все ездили в отпуск на море, им же ехать было никуда не надо – они на море жили.

Для Бориса город состоял из двух частей. Одна часть – это были улицы и дома, а вторая – море. И если первая часть

как бы не имела для него большого значения – он там просто жил, то значение второй, морской, части невозможно было переоценить.

С морем было связано все свободное время, то есть большая и лучшая часть его жизни. В море можно было купаться, сдирать с камней мидии, собирать ракушки рапаны, ловить бычков и сардин. Из мидий варили плов, бычков и сардин жарили, солили и вялили на солнце. Но важнее всего были рапаны – их чистили и продавали туристам. Это было жутко опасно, потому что называлось частным предпринимательством и могли привлечь. Если бы об этом узнали родители, то они бы его убили.

А еще иногда на море приходили девчонки из соседней школы, и среди них была одна, от одного взгляда на которую у Бориса перехватывало дыхание. Иногда он встречался с ней глазами, и тогда ему казалось, что она к нему равнодушна. Подойти к ней и заговорить было запланировано на следующий год, когда он перейдет в восьмой класс.

В школе Борис учился так себе. Ему нравилось решать задачи по математике и физике. Однажды он даже занял на городской олимпиаде по математике одно из призовых мест. К остальным предметам он был равнодушен.

Семья Бориса была довольно благополучной. Отец работал инженером на судоремонтном заводе, мама – бухгалтером в строительном управлении. Семья получила от завода двухкомнатную квартиру и небольшой садовый участок

недалеко от моря. В этом городе все решали связи. Родители были знакомы с половиной города. С кем-то они учились в школе, с кем-то – в институте, с кем-то вместе работали. А еще были родственники, друзья родственников, друзья друзей. Практически каждый день по пути на работу, а потом домой, они кого-нибудь встречали и потом долго обсуждали между собой, что у кого произошло. События были самые разные. К числу событий не очень значительных относилось, как ни странно, рождение детей и смерть стариков. Более важными событиями были поступление детей в институты, получение квартир и покупка машин. Дело было в том, что это происходило один раз в жизни. Большинство людей заканчивали один институт в жизни, получив квартиру от предприятия, жили в ней до конца своих дней, а если удавалось скопить на машину и купить ее по спущенной сверху разнарядке, то ездили на ней всю оставшуюся жизнь.

Но еще были новости, которые производили эффект разорвавшейся бомбы. Это было неожиданное назначение знакомых на какую-нибудь высокую должность, перевод на работу в столицу, заграничная командировка или отъезд за кордон на постоянное место жительства. Эти события одним махом меняли жизнь человека в лучшую сторону.

Эти счастливички в одно мгновение перемещались в высшее сословие. Это можно было сравнить с присвоением дворянства в прошлом веке. Быть дворянином в советское время означало регулярно получать дефицитные продукты по

ценам тридцать седьмого года, бесплатно отхватить трех-, а иногда даже четырехкомнатную квартиру в престижном районе. Кроме этого, полагалась служебная «Волга» с шофером, который одновременно выполнял функции слуги. Летом это были еще две бесплатные путевки в правительственный дом отдыха или санаторий в Крыму. После того как люди перемещались в этот высший слой, они менялись. Они начинали говорить, думать и даже двигаться как-то по-другому. Они излучали собой абсолютную уверенность в счастливом будущем, ожидающем их самих, а также их близких.

Но все-таки даже не эти сладкие привилегии были решающими. Ведь все это, или почти все, в конце концов, можно было купить за деньги. Большие деньги можно было заработать в торговле или в море. Избранные, поднявшиеся на олимп, автоматически получали самое главное – связи. Они начинали вращаться среди сильных мира сего и могли решить любой жизненно важный вопрос.

Каждый житель города втайне мечтал стать героем такой новости, но при этом большинство знало, что этого никогда не произойдет. Не был исключением и папа Бориса. Он знал, что большая должность в этом мире ему не угрожает. Дело было в том, что каждому подобному назначению предшествовала проверка органами. Здесь была одна проблема. В истории семьи было одно темное пятно, или, выражаясь фигурально, в подвале был зарыт труп.

Дедушка Бориса имел несчастье в своей далекой молодости

сти, на заре советской власти, короткое время повоевать в армии Врангеля. Очень скоро он перешел на другую сторону и воевал до конца Гражданской уже в Красной армии. Потом была Отечественная. Дед ушел добровольцем. Начал войну рядовым, храбро воевал, был ранен, закончил офицером. На фронте вступил в партию. После войны вернулся домой и продолжил службу экономистом в тресте. Через пару лет встал вопрос о назначении деда на высокую должность. Как всегда, этому предшествовала проверка органами. В результате проверки вопрос о высокой должности отпал сам по себе, а деда вышибли из партии с формулировкой: «За сокрытие фактов биографии». Таким образом, вопрос о высоких должностях на пару поколений вперед в семье Бориса был решен окончательно и бесповоротно. С этой стороны никому и ничего не угрожало.

Оставалась надежда на длительную заграничную командировку. Вообще заграничная командировка была чем-то из ряда вон выходящим. Она позволяла за два или три года совершенно легально обеспечить семью на всю оставшуюся жизнь.

Виной всему была жутко загадочная и до боли привлекательная система оплаты. Зарплату начисляли в валюте, теоретически для того, чтобы человек мог жить. Есть, пить, что-то покупать. Главной задачей для всех было свести эти расходы к минимуму, а еще лучше – к нулю. Поэтому состояние крайнего истощения и связанные с ним голодные обмороки

были отнюдь не редкостью среди советских специалистов за рубежом.

Не миновала чаша сия и многих, ставших известными позднее, капитанов российского бизнеса и политики. Так, будущий шеф одного из крупнейших нефтяных концернов Мечин и его друг бизнесмен Гут спаслись от голодной смерти, трудясь в Мозамбике, только благодаря дружбе с ребятами, работавшими по линии Министерства рыбного хозяйства. Дружба с ними давала большие преимущества. В порт регулярно заходили рыболовные суда и базы. Доступ на них был возможен только для работников системы рыбфлота. На этих кораблях, имея друзей, можно было получить рыбу в неограниченном количестве. Кроме того, можно было достать продукты питания: масло, тушенку, сгущенку и многое другое. Взамен рыбаки охотно брали дешевый местный ром, а иногда и просто спирт, купленный в аптеке. Спирт в аптеке не стоил практически ничего, при условии, что покупатель приходил со своей бутылкой. Иногда темнокожие аптекари, виновато пряча глаза, интересовались: зачем русские покупают медицинский спирт в таких количествах. Услышав в ответ, что для питья, смеялись и недоверчиво трясли головами – поверить в это было выше их сил.

Когда заканчивалась заграникомандировка и на счете накапливалась приличная сумма, начиналось самое интересное. По какому-то совершенно фантастическому курсу эти деньги банк менял на сертификаты. В магазинах «Березка»

на них можно было купить импортную одежду, японские магнитофоны, меховые шубы и пыжиковые шапки, одним словом, все то, что обычному советскому человеку было совершенно недоступно. Эти сертификаты можно также продать за обычные деревянные рубли по курсу один к двум и безбедно прожить несколько лет.

Уже только этого, самого по себе, было бы вполне достаточно для полного счастья. Но это было еще не все. Самое главное было то, что за эти сертификаты можно было купить машину, квартиру, мебель, и все без очереди. Это совершенно не укладывалось в голове нормального человека. То, о чем люди мечтали годами, стоя в очередях, отмечаясь, копи деньги, отказывая себе во всем, кому-то преподносилось на блюдечке, да еще и с голубой каемочкой.

Папа Бориса втайне мечтал о такой командировке. Казалось бы, все предпосылки для этого были налицо. Папа был хорошим специалистом по ремонту кораблей. Многие развивающиеся страны охотно брали советские корабли в подарок, а, как известно, доставшееся даром особо не берегут. Поэтому ремонтировать было что, и специалистов с папиного завода регулярно отправляли в эти командировки. Более того, обязательным условием для этого было членство в партии, а папа, несмотря на свою национальность, как ни странно, в ней состоял. Произошло это в армии, где папа оказался, не поступив в первый год после окончания школы в институт.

Дед запретил хлопотать об отсрочке, сказав, что настоящий мужчина в их семье должен отслужить в армии. Дало о себе знать героическое красноармейское прошлое. Отец попал в стройбат, где среди таджиков и узбеков оказался практически единственным грамотным человеком, умеющим читать и писать. По этой причине командир практически сразу же назначил его комсоргом. А когда через год пришла разрядка и нужно было срочно принять в партию одного рядового солдата, то, кроме папы, кандидатур не было.

Казалось бы, папа подходил на эту роль по всем показателям, если бы не одно НО. Кандидатов для заграникомандировок тоже проверяли органы. Критерии, однако, были не такие строгие, как для дипломатов и торговых работников, уезжающих в западные страны, потому что, в отличие от них, специалистам в развивающихся странах приходилось работать, а не сидеть в посольских кабинетах с кондиционером. Скорее всего, папа прошел бы и этот отбор, но была одна загвоздка, которая сводила на нет все папины усилия.

Виноват в очередной раз оказался дедушка, вернее, его родители. Когда-то, на заре двадцатого века, у них родился сын, и ему дали имя. Тогда еще никто не слышал о пятой графе, о врачах-вредителях, об арабо-израильском конфликте и о заграникомандировках. Мама хотела назвать мальчика Иосифом, но папа был против. Будущего Бориного дедушку называли Израилем.

Все дело было в том, что специалистов с папиного завода

посылали исключительно в мусульманские страны Ближнего Востока, и несмотря на то что папа по паспорту был украинцем, шансов получить въездную визу в посольствах этих стран у него практически не было.

Оставалась только слабая надежда на то, что когда-то придет разнарядка для работы в какой-нибудь далекой африканской, не мусульманской, стране.

Можно было изменить имя, фамилию, даже национальность. Отчество изменить было нельзя. Для этого дедушка должен был вначале поменять свое имя, чего никто из членов семьи ему даже предложить бы не осмелился.

Не всегда папа приходил с работы с хорошими новостями. Иногда он возвращался домой в плохом настроении. Это означало, что у кого-то что-то произошло или у папы на работе были неприятности. Что касалось друзей и знакомых, то они могли заболеть, их могли понизить в должности или посадить.

Родители общались в основном с людьми приличными. Среди их знакомых и друзей грабителей и насильников не было. Сажали в основном торговых работников, и это Борису было понятно. Не совсем понятно было, почему частенько сажали врачей-гинекологов, это он понял позже.

Что касалось папы, то обычно неприятности были связаны с его работой. На заводе иногда не выполняли план, выявлялись недостатки труб из нержавеющей стали, которые были мечтой всех владельцев садовых участков, происходили

аварии, и тогда кто-то должен был за это ответить. Можно было лишиться премии, получить выговор, но это было не так страшно. Самым страшным было исключение из партии.

Однажды на заводе погиб рабочий, и папиного друга, который был начальником участка, исключили из партии. После этого папин друг спился.

Борис всегда боялся, что папу тоже когда-нибудь исключат из партии. Поэтому, когда отец приходил с работы мрачный, он молил бога, чтобы этого не произошло.

Разговоры об отъезде в Америку начались пару лет назад, когда папу в очередной раз не отправили в заграникомандировку и вскоре после этого не назначили на освободившуюся должность начальника цеха. Вначале об этом говорили шепотом, потом все громче и громче. Потом начали оформлять документы. Борис поинтересовался, что он будет с этого иметь. Родители твердо пообещали сразу же по приезде в Америку купить ему плащ-болонью и настоящие американские джинсы. То, что они должны быть именно американские, Борис подчеркнул особо – индийские у него уже были. Про себя он еще подумал о том, что наконец-то ему не надо будет бояться того, что отца исключат из партии. Партии в Америке не было.

Еще перед отъездом Борису надо было пройти процедуру обрезания. Дело было в том, что еврейская община в Америке очень хорошо помогала на первых порах, но для этого надо было подтвердить свое еврейство. Борис согласился

только тогда, когда все документы на выезд были оформлены. Перспектива оказаться обрезанным, а в результате никуда не уехать, его особо не вдохновляла.

Обрезал его знакомый челюстно-лицевой хирург, к которому почему-то обращались за помощью все уезжающие знакомые.

И вот наконец все сборы были закончены, чемоданы упакованы, несколько небольших бриллиантов были запрятаны в тайник, сделанный в пластиковых слаломных лыжах. Борис должен был изображать юного фанатика горного слаломы, купившего незадолго до отъезда на все свои сбережения почти новые лыжи у незнакомого человека на барахолке. Легенда была придумана на случай прокола, для того чтобы спасти папу от неизбежной посадки за нарушение правил валютных операций. Борису еще не было четырнадцати, и поэтому его привлечь было нельзя.

В последний момент папу все-таки исключили из партии, но это уже не имело никакого значения. Бориса тоже должны были бы исключить из комсомола, но он туда, к счастью, еще не успел вступить.

Оставалось только одно дело, которое нужно было сделать. Он должен был объясниться с девочкой из соседней школы, в которую он уже пару лет как был влюблен. Уехать без этого он не мог.

Глава 3. Влад

Владлен Гутин шел по набережной в сторону дома, и его душили слезы. Только что в школе объявили о том, что завтра будет родительское собрание. Как он ненавидел эти собрания, где в присутствии всех родителей унижали неуспевающих детей. Но в советской школе считалось почему-то нормой выставлять неудачи слабых учеников на всеобщее обсуждение. Никем не оспаривалось, что, получив очередную дозу оскорблений и унижений, ребенок станет лучше учиться. Эффект, как правило, был обратным.

Перед учителями стояла невыполнимая задача: они должны были одновременно учить три совершенно различные группы детей: слабых, средних и сильных. И если со средними это еще как-то функционировало, то со слабыми и сильными ничего не получалось. Слабые не успевали за средними, сильные были не востребованы и не могли идти вперед. Исключение составляли только спецшколы, куда брали особо одаренных детей, из них и выходили будущие светила науки и искусства.

Владлен учился так себе, звезд с неба не хватал, но и двоечником не был. Он не боялся того, что мать, а на собрания ходила всегда она, узнает о нем что-то не то. Дело было совсем в другом. Ему было больно смотреть, как мать в стареньком пальтишке, платочке и стоптанных башмаках под-

нималась по ступенькам школьного крыльца. Потом она безмолвно сидела на собрании и тихо уходила домой. Никто с ней не заговаривал, она не представляла ни для кого никакого интереса.

Вместе с ней по школьному крыльцу поднимались и другие мамы. На них были каракулевые шубы, норковые шапки, а на ногах красовались австрийские сапоги на молнии. На пальцах у них сверкали бриллианты, а во рту блестели золотые зубы. С этими мамами все пытались завязать разговор, они были всем интересны. Это были жены аппаратчиков.

Аппаратчики были хозяевами этой жизни. У них были отдельные квартиры со всеми удобствами, персональные машины, дачи на берегу залива. Дома у них были цветные телевизоры, холодильники «ЗИЛ» и магнитофоны «Грюндик». Летом они отдыхали на Черном море, а зимой катались на лыжах на Чегете. Их дети поступали университет, а потом им были обеспечены тепленькие места в советских посольствах и представительствах в странах загнивающего капитализма.

Стать дипломатом было голубой мечтой практически всего юного населения советской страны. Но для этого нужно было поступить в институт международных отношений, а это было практически невозможно.

Семья Владлена была от всего этого очень далека. Они имели одну комнату в коммунальной квартире. В комнате проходила вся жизнь. В ней спали, ели и принимали гостей. Из удобств в квартире были вода и туалет.

Просыпаясь по утрам и открывая глаза, Влад видел старый выщербленный пол, обшарпанный покосившийся шифоньер со старыми чемоданами наверху. Плохое настроение на весь день было гарантировано. Но это было еще не все. После этого нужно было отстоять очередь в туалет. Без очереди пропускали только маленьких детей и полупарализованную бабушку Клаву. Все знали, что, если этого не сделать, они могут навалить кучу прямо перед туалетом. За этим следовала процедура чистки зубов и умывания на общей кухне. Иногда для этого тоже нужно было отстоять очередь. В это время на кухне уже было много народа. Женщины готовили завтрак, мужчины брились, вяло обмениваясь при этом новостями.

Как ни странно, этот кошмар под названием «коммунальная квартира» неплохо функционировал. Люди вели себя очень сдержанно, старались как можно меньше выходить из своих комнат, не раздражались по мелочам. Каждый понимал, что если дать волю чувствам и эмоциям, то жизнь может очень быстро превратиться в настоящий ад.

Потом Влад шел в школу. По дороге он мечтал. Мечтал о том, что у них будет своя отдельная квартира со всеми удобствами. Мечтал о том, что, просыпаясь по утрам, он будет видеть лакированный паркет, новый полированный шкаф, югославский велюровый диван, что у него будет своя комната, а у родителей – своя спальня, и по вечерам они будут все вместе смотреть в гостиной цветной телевизор. Что не надо будет стоять по утрам в очереди в туалет и встречаться в длин-

ном темном коридоре с полупарализованной бабой Клавой. Что у них будет своя машина, и на выходные они будут ездить на ней на дачу. Что у матери появится каракулевая шуба, норковая шапка и импортные сапоги. Отец наденет пыжиковую шапку и канадскую дубленку. Что родители наконец-то вставят себе золотые зубы и не будут больше, смеясь, прикрывать свои беззубые рты ладошками.

Но в реальности все выглядело совершенно иначе. Нет, родители Влада не были асоциальными типами, они не были тунеядцами или алкоголиками. Они были хорошими, порядочными, скромными людьми и очень его любили. Их беда была в том, что они были простыми трудягами на заводе, зарабатывали немного, и у них не было никаких нужных связей.

Они честно трудились на заводе, справляли советские праздники, ходили на выборы, воспитывали сына и надеялись на то, что он добьется в жизни большего.

Они были абсолютно разными. Отец – убежденный сталинист, свято верящий в правоту партии. Он прошел всю войну от начала до конца. Воевал он, правда, в войсках НКВД. Что они делали, Влад точно не знал, отец не любил об этом говорить. Но в любом случае он воевал там, куда его послала партия, выполнял приказы, и никаких сомнений в правоте этого дела у него не было. Партия никогда не ошибалась.

После войны он не искал для себя никаких привилегий. Партия сказала, что надо восстанавливать страну, и он по-

шел работать на завод. Когда родился сын, он назвал его Владлен, что означало Владимир Ленин. Назвать сына Сталином он не мог – это было запрещено.

Первый удар отец получил, когда умер великий Вождь. Для отца это было страшное горе. Сталин был для него богом, а бог не должен умирать, потому что он оставляет после себя пустоту, его смерть лишает людей смысла жизни. Но первый удар он выдержал, жизнь продолжалась.

Второй нокаутирующий удар он получил, когда на двадцатом съезде был разоблачен культ личности Вождя. Казалось, весь мир рухнул в его глазах. Выяснилось, что партия, которая олицетворяла для него все самое святое, которой он слепо верил, на самом деле совершала преступления, уничтожая безвинных людей. И Вождь руководил этой мясорубкой, в которой погибли миллионы. Но все-таки отец не поверил в это до конца, и портрет Вождя так и остался висеть на стене в их комнате.

Мать была совсем другой. Тихая скромная женщина, она побаивалась железных убеждений отца. В партию она верила не очень, больше традиционно доверяла богу. Поэтому и покрестила Влада втайне от мужа. Отец не должен был ни в коем случае об этом узнать. Мать очень любила сына и мечтала, что он станет инженером на заводе, где она трудилась разнорабочей. Так как Влад учился не очень хорошо, то мать думала, что после школы он пойдет работать на завод, а потом заочно закончит институт и станет инженером.

Но у Влада были совсем другие планы. У него была любовь. Эта любовь заполняла всю его душу, она являлась смыслом всей его жизни. Ради нее он был готов терпеть унижения, жить в коммунальной квартире, стоять в очереди в туалет. Ради этой любви он был готов на все. Звали эту любовь Родина. Ради нее он был готов действительно на все. Он любил ее до слез, до боли в груди. Он хотел, чтобы его Родина была самой сильной, богатой и красивой. За это он был готов даже умереть.

Влад хотел служить своей Родине на самом, как ему казалось, опасном и почетном месте. Он хотел стать разведчиком, в крайнем случае контрразведчиком.

Так он и рос с этой мечтой. Этот огромный город был не очень-то приспособлен для счастливого детства. Унылые каменные дома, тянущиеся сплошной стеной, мрачные дворы-колодцы, вызывающие чувство безысходности. Зимы были бесконечно длинные, темные и холодные. Лето было обычно стремительно короткое, пасмурное и дождливое. Единственной отдушиной был пионерский лагерь.

От предков, тамбовских крестьян, Влад унаследовал силу, крепость и упорство. В пионерском лагере он выигрывал все спортивные состязания, и это обеспечивало ему место среди лидеров. Влад помогал организовывать физкультурные праздники, линейки, конкурсы. Когда шли в поход, ему, как сильному, доставался самый тяжелый рюкзак. Он хорошо нырял и плавал. Влад воспринимал все это как под-

готовку к будущей деятельности разведчика, он чувствовал, что люди готовы идти за ним и выполнять его приказы.

А еще Влад мечтал совершить подвиг, чтобы вся страна услышала о нем. Например, спасти тонущего или вынести ребенка из огня. И однажды, казалось бы, случай представился.

Отряд Влада пошел в поход. Ночевали в палатках. Стояло очень жаркое лето. Ночью все проснулись от треска – загорелся лес. Нет, им ничего не угрожало, они могли собраться и спокойно уйти. Но они не могли этого сделать, потому что это означало бы предательство. Дети начали тушить огонь, не давая ему подойти к огромным столетним соснам. Они сбивали его куртками, таскали ведрами воду из ручья. Влад был впереди всех. Он уже представлял, что завтра о них напишут в газете и все узнают об их подвиге. Очень скоро стало ясно, что им одним не справиться, уж слишком неравны были силы. И тогда кто-то закричал, что нужно позвать на помощь людей. В паре километров от них была деревня, там были люди, их надо звать на помощь. Влад и еще двое мальчишек побежали за помощью.

В деревне все спали. Они добежали до первого дома и стали стучать в окно. Долго никто не открывал, потом в окне появился какой-то силуэт, открылась форточка, и хриплый пропитый голос спросил: «Чо надо?»

«Там лес горит, надо тушить!» – кричали дети.

«Ну и хрен с ним, пусть горит. Он каждый год там горит.

Спать не мешайте».

Форточка захлопнулась, силуэт исчез. И тут Влад понял, что в жизни не всегда есть место подвигу.

Подобное чувство возникало у него позже, когда он смотрел американскую кинохронику военных лет. По улицам ездили шикарные машины, в ресторанах сидели хорошо одетые люди. В это время в его стране народ погибал под пулями на фронте и умирал от голода в тылу.

Месяц в пионерском лагере быстро подходил к концу, каникулы заканчивались, начиналась школа. Там были другие лидеры, отличники, дети аппаратчиков. С ними все хотели дружить, перед ними заискивали.

Вообще проблема аппаратчиков очень беспокоила Влада. С одной стороны, они были представителями власти, а власть была народная, значит, правильная. Или это были партийные работники, а партия была «ум, честь и совесть нашей эпохи», тут никаких сомнений быть не могло. Но они все-таки были.

Отец Влада воевал, замерзал на фронте, но он не голодал. Голодала мама в блокадном городе. Она рассказывала ему о том, как люди получали по карточкам небольшой кусочек черного хлеба, а если теряли их, то им грозила голодная смерть. Как люди падали от истощения на улицах, и некому было их похоронить. Как люди ели трупы.

Даже через много лет после войны мать будет прятать на антресолях горох и перловку на случай голода. Но также

мать рассказывала, как их соседи с нижнего этажа, плотно закрыв дверь, ели белый хлеб с маслом и тушенку. Банки из-под тушенки и промасленную бумагу часто видели в их мусорном ведре.

А многие годы спустя станет известна тщательно скрывавшаяся в военные годы тайна о состоянии здоровья тогдашнего руководителя городской партийной организации. Местный вождь страдал в это голодное время не от недоедания, как большинство жителей города, а от ожирения, вызванного обжорством.

Влад решил тогда, что он никогда в жизни не будет аппаратчиком.

В том, что он станет разведчиком, Влад никогда не сомневался. Единственное, что его смущало, это то, как это должно произойти. Проблема заключалась в том, что этому нигде не учили. Нельзя было прийти в какой-то институт или университет, сдать вступительные экзамены и поступить по специальности «разведчик в капиталистической стране».

То есть, конечно, где-то этому учили. Только это были закрытые образовательные заведения, и туда не брали народ с улицы. Многие мечтали туда попасть, но это было непросто. У органов был один принцип: «мы вас ищем и находим, а не вы нас».

Осведомителей они искали среди людей, чем-то запятнавших себя в прошлом. Им не хватало мужества отказаться, а их окружение не могло предположить, что они стучат.

Фарцовщики, валютчики, проститутки были информаторами спецслужб, за это им благосклонно разрешали работать. Всех новых они сразу же сдавали, это избавляло их от конкурентов, а органы могли регулярно отчитываться о проделанной работе.

Встречи с информаторами обычно проходили на квартирах отставных работников спецслужб. За это они получали небольшое вознаграждение, что позволяло им немного подсластить свою одинокую старость.

Что касается набора кадровых сотрудников, то здесь схема была иной. Сотрудник спецслужб приходил на предприятие или в учреждение и получал личные дела молодых специалистов. После тщательного изучения автобиографий и анкет отбирал нескольких человек, беседовал с ними. После предварительного отбора кандидата детально проверяли, и если не находилось компромата, то ему предлагали работу в органах.

Большинство соглашалось. Неплохая зарплата, квартира, служебный рост и доступ к секретной информации этому способствовали. Отклонить предложение означало получить запись в личном деле об отказе работать в органах. Эта перспектива особенно никого не впечатляла. Хуже было только наличие родственников за кордоном.

Главной целью всех этих схем было не допустить проникновения в органы кротов. Народ с улицы не брали, тот, кто находил нового сотрудника, нес за него полную персональ-

ную ответственность.

Для Влада все это означало ждать. Когда человеку предлагают подождать, он всегда хочет знать: сколько? В данном случае ответа на этот вопрос не было. Можно было прождать всю жизнь и не дожидаться. Это Влада никак не устраивало. Он думал. Должен был быть какой-то выход. Желание стать разведчиком становилось все сильнее. Влад смотрел фильмы, читал книги и думал. Нужны были связи, а их не было и в ближайшем будущем не предвиделось. И однажды ему в голову пришла отчаянная мысль. Он пойдет туда сам, расскажет о своей мечте и спросит, что ему надо для этого сделать.

Вначале от одной этой мысли ему стало страшно. В этот большой дом на проспекте никто не ходил сам. Когда люди проходили мимо, они невольно ускоряли шаг, дом пользовался дурной славой. Туда либо вызывали, либо привозили в закрытых машинах, многих после этого больше никто не видел.

Наконец Влад решился. По большому счету он ничем не рисковал, ну не посадят же его, в конце концов, за это. Ну, посмеются, в худшем случае выгонят. А вдруг выслушают и что-нибудь посоветуют?

Влад решил пойти туда во вторник, он знал, что в понедельник у всех обычно бывает плохое настроение. Вначале он пару раз прошел мимо дома по другой стороне улицы, посмотрел, в какую дверь заходят люди. Набрал полную грудь воздуха и потянул на себя тяжелую дверь. Оказавшись внут-

ри, он увидел постового, подошел к окошку и сказал, что ему нужно поговорить с кем-то из ответственных сотрудников по очень важному делу.

Охранник знал, что иногда дети сообщают очень ценную информацию, и позвал дежурного оперативного работника. Тот внимательно выслушал Влада и сказал, что спецслужбы сами подбирают себе сотрудников. «Но все-таки кому-то отдается предпочтение?!» – в отчаянии выпалил Влад. Задумавшись на какое-то мгновение, опер сказал: «Ну, наверное, юристам, владеющим каким-нибудь видом единоборства».

Влад шел домой и напряженно думал. Чтобы стать юристом, нужно было окончить юридический факультет университета. Об этом можно было и не мечтать. Туда брали только отличников, да еще и со связями. С этим было сложно. Влад в школе звезд с неба не хватал, связей не было. Оставался спорт. Тут были кое-какие возможности. Влад был от природы крепким и упорным. Первая мысль была заняться боксом. Но небольшой рост и, соответственно, короткие руки не сулили ему больших успехов. Кроме того, у боксеров со временем появлялись шрамы на лице и поломанные носы. Это были особые приметы, а их у разведчика быть не должно. Оставалась борьба, и тогда Влад решил заняться самбо. Тогда он еще не знал, что это решение во многом определит его дальнейшую судьбу.

Глава 4. Иса

Шли годы, Иса вырослел. Он был, без сомнения, лучшим учеником в школе. Все давалось ему легко, но особенно он любил физику, химию и биологию. Иса мечтал учиться дальше, поступить в университет, а потом заниматься наукой, исследованиями. Больше всего его занимал вопрос о происхождении жизни на Земле.

Но о дальнейшей учебе можно было только мечтать. Денег на это в семье не было. Детей было много, жили бедно, и только один Иса ходил в школу. Денег для обучения в школе его братьев и сестер не было. То, что Иса единственный в семье учился в школе, не было случайностью. Иса был другой. Он чем-то отличался от остальных детей. У него были иные глаза, в них была какая-то глубокая печальная мысль. Мать называла его про себя грустным мечтателем. Иса все время о чем-то думал, какая-то постоянная работа происходила в его голове. Иногда его глаза вдруг начинали сверкать, он весь, казалось бы, излучал радость. Тогда мать знала, что он нашел решение какой-то важной для него проблемы, пришел к какому-то неожиданному выводу.

Иса очень много читал, буквально проглатывал книги. Он читал фантастику, классику, приключения. Самыми любимыми писателями были Джек Лондон и Рэй Брэдбери. Братья и сестры были к чтению совершенно равнодушны. Они

жили совсем другой жизнью, имели абсолютно иные планы на будущее. Сестрам искали женихов, потом выдавали замуж, и они рожали кучу детей. Братья со временем начинали торговать катом на базаре, копили деньги на свадьбу, женились и уходили из дома. Казалось, что смысл жизни был только в том, чтобы жениться или выйти замуж и произвести на свет как можно больше детей.

Иса не мог представить себя торгующим катом на базаре или отцом огромного количества чумазных детей. От одной мысли об этом ему становилось тошно и тоскливо.

Иса мечтал совсем о другом. Он будет учиться, чего бы это ему ни стоило. Станет знаменитым ученым, будет путешествовать по всему миру. Европа, Америка, Россия – везде он будет своим. Он будет жить в красивом доме, ездить на дорогой машине. После работы он будет сидеть в кафе, пить кофе, а рядом с ним будет высокая красивая блондинка с голубыми глазами.

Иногда он будет приезжать в свой родной город, чтобы повидаться. Нет, не с отцом, он всегда был ему чужим, и не с братьями и с сестрами, они всегда были другими, не такими, как он. Иса будет приезжать домой, чтобы повидаться с матерью, рассказать ей о своих успехах и увидеть слезы радости в ее глазах. Потом он пойдет к Учителю, и они будут долго разговаривать. Теперь Иса будет рассказывать Учителю о последних научных исследованиях в области гео- и биофизики, и тот будет внимательно его слушать, как раньше Иса

с восторгом слушал Учителя.

Эти два самых близких ему человека будут им гордиться. Однажды, когда мать состарится и останется совсем одна, Иса заберет ее с собой и больше никогда не вернется в этот грязный, вонючий, ненавистный ему город.

Мать знала, почему Иса отличается от других ее детей, но это была ее тайна. Когда сын подрос, мать пошла к Учителю и о чем-то с ним очень долго говорила. Нет, она не рассказала ему тайну рождения Исы, это было невозможно, тайну эту она унесет с собой в могилу. Но она нашла какие-то слова, которые убедили Учителя взять Ису в школу за необычно маленькую плату, но с испытательным сроком.

Очень скоро Учитель понял, что эта усталая, преждевременно увядшая женщина была права – ее сын был удивительно способным мальчиком. Иса схватывал все на лету, а его страсть к познанию нового была просто неутолимой. Он умел мыслить и иногда задавал вопросы, которые даже Учителя ставили в тупик.

Учитель в свое время долго учился и потом стажировался в Европе, Америке, России. Иса часами с жадностью слушал его рассказы о том, как там живут люди, как они встречаются, знакомятся, влюбляются. Он не мог себе представить, как люди сами определяют свою жизнь, живут где хотят, женятся на ком хотят, в любое время могут поменять религию и спутницу жизни.

Там, где жил Иса, все знали, что бог, жена или муж даются

человеку в жизни один раз и поменять их никто не может. При этом представители разных религий нередко женились между собой. Это не было чем-то из ряда вон выходящим, страшным считалось только одно – быть атеистом.

Иса знал со слов Учителя, что человеческая цивилизация зародилась на Ближнем Востоке. Месопотамия, Аравия, Египет дали миру множество открытий, здесь появилась уйма ремёсел. Производство папируса, письменность, обработка металлов, строительные технологии, которые до сегодняшнего дня никто не смог превзойти. Люди жили в достатке, собирали по несколько урожаев в год, и, казалось, ничто не могло поколебать их благополучия. Но их цари потеряли чувство меры, они погрязли в роскоши и разврате. К сожалению этого им было мало – они возомнили себя заместителями бога. Они даже решили добраться до бога и начали строить гигантские пирамиды. Тысячи людей напрягали все свои силы для того, чтобы построить эти абсолютно бессмысленные сооружения, на это уходили все материальные ресурсы.

И боги разгневались, они отвернулись от них, лишили их своей милости и прокляли. В стране перестали идти дожди, реки начали высыхать, из-за нехватки воды, земля не давала больше урожая, начался голод, люди умирали. Некогда богатые процветающие страны за несколько столетий превратились в выжженные пустыни. Люди, спасаясь от голода, уходили на север. Какая-то неведомая сила гнала их туда. Старика, люди слабые и больные умирали по дороге, так улуч-

шался генофонд нации. Только самые сильные доходили до конца, до берега моря. Это море было каким-то особенным, оно всегда притягивало людей отовсюду. Само его название говорило о том, что оно находится посередине земли. Люди стремились сюда, подгоняемые надеждой на то, что их жизнь станет лучше и богаче, что здесь наконец-то их ждет настоящее счастье.

Для тех, кто достигал моря, испытания не заканчивались, им предстояло пересечь его, чтобы добраться до другого берега. Местные рыбаки хорошо знали море, оно их кормило. Они знали направления ветров и течений, могли предсказывать погоду. Торговые шхуны возили товары и часто ходили в дальние заморские страны. Но рыбацкие баркасы и торговые шхуны не были предназначены для перевозки людей.

Беженцы, спасающиеся от голода и нищеты, умоляли взять их на борт. Они снимали со своих женщин золотые украшения и отдавали их капитанам судов. Женские драгоценности всегда имели в этих странах функцию неприкосновенного аварийного денежного резерва. В сытые благополучные годы мужчины дарили своим женам золотые украшения, которые те сразу же на себя надевали. Это был самый надежный способ хранения сбережений. Дома хранить золото было опасно, замков и сигнализации не было.

Мужчина всегда имел намного больше прав, чем женщина. Он мог в любой момент выгнать ее из дома, и она должна была немедленно уйти в том, в чем она была. Это означало,

что все золото, а значит, и все сбережения, уходили вместе с женой. Дом и дети доставались мужу. Поэтому, прежде чем выгнать жену из дома, муж должен был хорошо подумать. Остаться без женщины в хозяйстве, без матери своих детей и без всех сбережений требовало большого мужества.

Алчные владельцы судов брали золото и принимали слишком много людей на борт. Перегруженные корабли, попав в шторм, часто тонули. Редко кто достигал желанного берега, но те счастливики, которым это удавалось, были полностью вознаграждены. Перед ними простилались плодородные земли. В реках было достаточно воды, не только для питья, но и для полива. Обширные леса не только давали прохладу и радовали глаз, но и обеспечивали людей строительными материалами и дровами для отопления.

Беженцам, достигшим цели, казалось, что вся их дальнейшая жизнь будет счастливой и благополучной. Но эйфория первой встречи с благодатной желанной землей быстро проходила. Пришельцев никто не ждал, никто им не был рад. У них была другая одежда, другая еда, другие обычаи и праздники, они иначе выглядели, верили в своих богов и говорили на других языках. Одним словом, они были чужими.

Вся плодородная земля была уже поделена, каждый занимался своим ремеслом, и никто не хотел ничем делиться с пришельцами. Им приходилось уходить в горы, строить себе хижины из дикого камня и пасти полудиких коз. Зимой они страдали от холода и голода. Но ничто не могло сломить

дух этих мужественных и сильных людей, трудом и терпением они завоевывали себе место в этом новом неприветливом мире.

Шли годы, проходили десятилетия, потом столетия, и пришельцы менялись. Менялась их одежда, она становилась более удобной и пригодной для местных условий. Их еда становилась все более похожей на еду местных жителей. Их обычаи менялись. Со временем они обнаружили, что и религии их не так уж сильно и отличаются. Они молили своих богов о том же, о чем их молили и местные жители. Смысл и сущность их праздников были тоже очень схожи. Они благодарили богов за хороший урожай, за обильные дожди, за рождение детей. Они молили богов о том, чтобы они не забирали у них солнце.

Когда-то, много-много лет назад, люди с ужасом заметили, что дни становятся все короче и короче, а ночи – все длиннее и длиннее. Наши предки знали, чем им это грозит. Уйдет солнце, наступит ночь, замерзнут реки, холодная земля не будет приносить урожай, и все погибнут. Они не называли это концом жизни – они называли это концом света. Перестанет поступать на Землю свет от Солнца – и всему наступит конец. Ночи становились все длиннее, и вместе с ними рос страх. Люди обращали к небу молитвы, приносили в жертву животных, жгли огромные костры. Они пытались докричаться до богов, обратить на себя их внимание. «Не делайте этого, не забирайте у нас свет, не лишайте нас жиз-

ни», – молили они. Но боги, казалось, не слышали их, и света становилось все меньше и меньше.

Когда отчаяние людей достигло своего апогея, когда казалось, что уже ничто не может их больше спасти, произошло чудо. Последняя ночь не стала длиннее, следующая за ней – тоже. А через несколько дней все заметили, что дни стали длиннее, а ночи короче. Произошло чудо – боги услышали людей и спасли их.

С тех пор во всем мире люди отмечают это время, называя эти праздники по-разному, но всегда связывая с ними надежду на светлое будущее, то есть на будущее, в котором много света.

Беженцы продолжали прибывать за лучшей долей в Европу, они приспосабливались к новой жизни, менялись, становились другими. У них начали рождаться светловолосые дети с голубыми глазами. А у местных жителей появлялись детишки смуглые и кареглазые. Так за несколько столетий из белокурых и голубоглазых римлян, древних греков и испанцев появились современные, в большинстве своем темноволосые и темноглазые, жители Италии, Испании и Греции.

Учитель рассказывал, и Иса был готов часами его слушать. Он впитывал в себя знания, как губка, поднятая со дна океана, впитывает в себя воду. После этих бесед Иса шел домой, и ему очень хотелось кому-то все рассказать. Но отец отмахивался от него, как от назойливой мухи, сестры и братья не понимали того, что он пытался им объяснить, им это

было совершенно неинтересно. Единственным человеком, с которым он мог поговорить, была мать. Она была необразованной женщиной, но у нее был острый природный ум, и она умела слушать.

Иса очень много думал о том, что рассказывал ему Учитель, у него возникало множество вопросов, и тогда он шел в библиотеку, брал книги и читал. В книгах он находил ответы на многие вопросы. Он понял, что в Европу стремились не только несчастные и обездоленные из Северной Африки и с Ближнего Востока. Могущественные государства тоже пытались застолбить себе там земельный участок. Иногда им это удавалось. Так, Османская империя сотни лет владела Балканами, Юго-Восточной Европой, Кавказом. Мавританское владычество в Испании продолжалось более семисот лет. Но рано или поздно захватчиков изгоняли, они уходили, оставляя после себя уже совсем другие страны. Их пребывание не могло не отразиться на архитектуре, образе жизни, обычаях и внешнем облике местных жителей. Больше всего Ису поражало то, что захватчики не уничтожали на корню местные религии. Осталось католичество в Испании, православие – в Болгарии и Греции. На Балканах христианские деревни соседствовали с мусульманскими аулами. Но более пестрой картины совместного сосуществования и терпимости различных религий, чем на Ближнем Востоке, не было нигде в мире. Мусульмане-шииты и сунниты, алевиты, иудеи, христиане-копты и друзы – все жили неподалеку друг

от друга, уважали и терпели друг друга.

Эта идиллия закончилась, когда, уже в новое время, сюда пришли европейцы и начали с помощью геометрической линейки и карандаша расчерчивать географическую карту Ближнего Востока, создавая при этом современные государства по религиозному принципу. С этого времени и идут здесь, с небольшими паузами, кровопролитные междоусобные войны. С этого времени и поселилась тут злоба, ненависть и нетерпимость.

Ису всегда поражала эта полная непохожесть, если не противоположность, европейских стран и их жителей. Они пытались создать на Востоке какое-то подобие своих стран, совершенно не понимая при этом, что это абсолютно нереально. То, что было и есть норма в Европе, зачастую считается здесь преступлением. Женщины купались практически голые на пляже, пили алкоголь, спали с чужими мужчинами. От одной мысли, что что-то подобное сделает его мать или сестры, ему становилось плохо. Мало того, женщин нельзя было бить, и при разводе они получали все, включая детей. Женщины работали, часто руководили мужчинами, а проституция входила в десятку самых престижных и высокооплачиваемых профессий.

Иса понимал, что все это на Востоке неприемлемо и все попытки европейцев всегда будут обречены на неудачу, но как хотелось взглянуть на их жизнь хотя бы краешком глаза, отведать маленький кусочек этого запретного, а потому

очень сладкого плода!

К сожалению, реальность была совсем иной. Максимум, что светило Исе в этой жизни, это место писаря в каком-нибудь местном учреждении или торговца, а со временем, может быть, и владельца мелкой лавки на городском базаре. Ни то, ни другое особого энтузиазма у него не вызывало. Иса хотел учиться, но все упиралось в деньги, которых в семье не было.

В этот день Иса проснулся как обычно, помог немного матери по хозяйству и пошел в школу. Сколько раз он уже проходил по грязным и пыльным улицам этого безрадостного города... Тощие козы бродили в поисках еды, но, кроме старых газет, поживиться им было нечем. Около лавок сидели на корточках бородатые торговцы и сосредоточенно жевали кат. Казалось, никакая сила не в состоянии изменить этот веками устоявшийся, унылый ход жизни. Иса по пути в школу с тоской думал о том, что до конца своих дней он обречен быть частью этого убогого окружения.

Но в этот день все было иначе. Иса почувствовал это, когда зашел в класс. Учитель как-то странно на него посмотрел и сказал, что ему нужно после уроков поговорить с Исой о чем-то очень важном. Обычно Иса сам оставался после уроков, когда у него было время, и они подолгу разговаривали с Учителем.

Когда они остались вдвоем, Учитель начал издали. Он долго рассказывал о прошлом богатстве их страны, о вели-

чий их народа и мудрости предков. Он говорил о большой несправедливости в том, что их страна потеряла свое влияние и могущество и ничего не получила взамен. Пришли другие и все взяли в свои руки, а их объявили людьми второго сорта. Но это не будет длиться вечно, продолжал Учитель, грядут большие перемены. В ближайшее время все должно измениться, мы заставим мир опять нас уважать, мы покажем всем, что нас слишком рано списали со счетов. И это сделают самые лучшие, самые достойные представители нашего народа. Этих избранных определяет Совет очень уважаемых людей, одним из членов которого является городской мулла.

Иса часто видел муллу в городе. Он жил в богатом районе, в красивой вилле, ездил на дорогой машине, дети его учились за границей. Сам мулла, казалось, излучал собой довольное благополучие. Пару раз мулла даже разговаривал с Исой в школе о его семье, родителях, планах на будущее.

Учитель продолжал говорить, а у Исы сладко замирало сердце. Оказывается, мулла уже давно интересовался им, спрашивал о его успехах. И вот на днях было принято решение о его дальнейшей судьбе.

Иса поедет учиться в Европу, а потом, возможно, и в Америку, и Совет будет оплачивать его учебу. Более того, его мать будет ежемесячно получать денежное пособие в качестве компенсации за отсутствующего сына.

Иса будет изучать в университете естественные науки и

технику, стажироваться в известных научных центрах. А когда-нибудь придет время, и Иса получит важное задание, которое станет результатом всей его жизни и прославит его имя.

Иса не придавал большого значения последним словам Учителя. Ему было достаточно того, что наконец-то сбылась его мечта и он поедет учиться в Европу. Он будет там жить, он станет составной частью этой сказки.

Иса летел домой, не чувствуя ног, ему не терпелось поделиться обо всем с матерью, увидеть такую редкую радость в ее глазах. Дома Иса захлеб рассказал родительнице о том, что он будет учиться в университете и жить в Европе. Мать с нежностью смотрела на него, гладила по голове и с грустью думала о том, как похож ее самый любимый сын на того человека, короткая встреча с которым навсегда перевернула ее жизнь. Эта встреча дала ей то, чего она раньше никогда не знала, о чем даже не подозревала. Но это была ее тайна, которую она никому не могла рассказать.

Глава 5. Борис

Итак, Борису оставалось решить два последних вопроса, и можно было с чистой совестью прощаться с советской Родиной. Вообще-то понятие «Родина» было для Борьки довольно абстрактным. Родиной для него был родной город, море, родители, друзья и, наверно, еще хорошенькая девчонка из соседней школы. Так как с городом и морем прощаться было не надо, а родители уезжали вместе с ним, то оставались только друзья и девчонка.

За несколько дней до отъезда Борис провел небольшое детективное расследование. У одного из его приятелей сестра училась в той же школе, что и предмет Борькиного обожания. Удалось узнать, что ее зовут Наташа, учится она в восьмом классе и три раза в неделю ходит в музыкальную школу.

На этом и был построен Борькин гениальный план. По пути из музыкальной школы домой Наташа проходила мимо большой лестницы, где она и должна была быть перехвачена Борькой.

Сказать, что Борька волновался, означало не сказать ничего. Иногда ему казалось, что сейчас он потеряет сознание. Перехватывало дыхание, потели ладони, подкашивались ноги. Когда вдалеке появилась Наташа, Борька находился в состоянии практически клинической смерти. Собрав всю свою волю в кулак, он, как боевой эсминец, пошел на сближение

с целью.

Подойдя к Наташке на ватных ногах, набрав полную грудь воздуха и практически теряя сознание, Борька выпалил: «Я завтра уезжаю в Америку».

Наташа остановилась, посмотрела ему в глаза и, неожиданно рассмеявшись, сказала: «А я знаю, моя тетя живет с тобой в одном доме». В этот момент Борька, медленно приходя в сознание, понял, что он погиб. Он окончательно и бесповоротно влюбился. Борька почувствовал, что это любовь на всю жизнь.

Потом они долго шли рядом и разговаривали. У Бориса было чувство, что они знакомы всю жизнь. Он говорил, что, в общем-то, не горит особым желанием уезжать, но предки так решили и придется ехать. Про обрезание Борька скромно умолчал. Наташа дала ему свой телефон, который немедленно был записан на обрывке газеты огрызком карандаша, позаимствованного у продавщицы мороженого. Борька пообещал, что будет звонить из Америки и при первой же okazji передаст Наташке джинсы.

Далее им было обещано сразу после окончания школы приехать в свой город с целью решения их дальнейшей совместной судьбы. Завершающей точкой этой незабываемый встречи стал великодушно разрешенный Наташей поцелуй в щечку. В этот момент Борька почувствовал себя таким советским аналогом Алена Делона. Не хватало только джинсов и водолазки, но это можно было в ближайшее время попра-

вить.

На крыльях любви Борька летел к своей последней цели. Надо было проститься с друзьями. Это было приятно, Борьке все завидовали, в глазах друзей он был героем. Пацаны ждали его на набережной, программа прощания включала в себя мороженое и лимонад. Родителями было выделено для этой цели три рубля – деньги по тем временам немаленькие.

Друзья терпеливо ждали Борьку, хотя из-за своих амурных походов он довольно прилично запоздал.

Потом Борис с вдохновением рассказывал о своей предстоящей замечательной жизни в Нью-Йорке, о его небоскребах, шикарных магазинах и машинах. Немаловажным фактором являлось также наличие там моря, а точнее, даже океана. То есть, к огромной зависти пацанов, получалось, что Борька улучшает свою жизнь практически по всем показателям.

Это было довольно трудно перенести, поэтому у них возникла идея, что Борис должен с ними немного поделиться. Ответственным за исполнение этой идеи был назначен друг Андрей.

И вот, дождавшись благоприятного момента, когда Борька приступил к завершающей стадии прощания и немного размяк, Андрей спросил: а не мог бы он выслать своим друзьям вождеденные джинсы, а может, и, чем черт не шутит, плащи-болоньи? Размякший Борька мгновенно согласился. Был найден обрывок бумаги, и огрызком химического ка-

рандаша, не отданного продавщице мороженого, каждый из друзей записал свои размеры. Дольше всех писал Андрей, несколько раз слюнявив карандаш. Спросил Бориса, можно ли в качестве исключения написать еще и ботинки на платформе. Борька великодушно согласился. Тогда Андрюха, поплюняв еще раз химический карандаш и собрав все мужество, написал: «Ботинки на высоком каблуке». После этого, задумавшись на минуту и набрав полную грудь воздуха, дрожащей рукой дописал: «Две пары».

Борька, бегло пробежав глазами список, небрежно сунул его в карман штанов, где уже покоилась записка с Наташкиным телефоном, и с важным видом произнес: «Ну, мужики, считайте, что вы уже в джинсах». Тут Андрюха, поняв, что терять больше нечего, пошел ва-банк и нагловатым голосом поинтересовался: «А как насчет канадской дубленки?»

Слухи о канадской дубленке будоражили всю страну. Никто и никогда не видел ее в глаза. Обычно она была у какого-нибудь знакомого знакомого. Цены назывались самые фантастические: от шестисот рублей и выше. Сумма по тем временам невообразимая, равная полугодовой зарплате инженера.

Счастливых обладателей канадской дубленки по всей стране можно было пересчитать по пальцам, одним из них был сын лидера всей страны, другим – всеми обожаемый Владимир Высоцкий. Обладать ею означало, что человек добился в своей жизни практически всего, вошел в число небо-

жителей, круче было только место на Новодевичьем кладбище.

Друг Андрюха не был уверен в том, что в Нью-Йорке можно так запросто и дешево купить канадскую дубленку, но, по его прикидке, до Канады было не так уж далеко, а уж там-то это проблемой быть не могло. В конце концов после непродолжительных дискуссий было решено, что джинсы и плащи-болоньи будут высланы Борькой сразу же по приезде в Америку и получении первого социального пособия. Что касается дубленки, то она должна быть куплена и переправлена лучшему другу Андрею сразу же после того, как Борька разбогатеет. Промежуток времени между двумя этими событиями, по мнению пацанов, будет очень небольшим, практически все уехавшие в Америку довольно быстро становились богатыми. Вряд ли Борька окажется исключением.

На этой высокой ноте мальчишки распрощались, поклявшись на прощание в вечной дружбе.

Борис несся домой, и его переполняла любовь. Он любил Наташку, любил своих друзей, свой город, море, любил Нью-Йорк, который никогда не видел, любил свою будущую жизнь, которая еще не наступила. Казалось, что все, что ему предстоит в будущем, будет прекрасно.

В какой-то момент Борис обернулся и увидел своих осиротевших, кружком стоящих друзей. Вовка – готовый в любую секунду броситься на каждого, кто чем-то обидит Борьку. Расчетливо-хитроватый Андрей – вечно строящий гран-

диозные планы о проникновении в высшие слои общества. Совершенно бескорыстный и бесхитростный Серега – всегда мечтавший только о том, чтобы стать военным. Борька на какое-то мгновение испытал легкое чувство вины. Но через секунду все прошло и он поскакал дальше.

Дома шла полным ходом подготовка к отъезду. Постоянно звонил телефон, все друзья хотели отметить. Иметь друзей за границей хотели все, родственников не хотел иметь никто – это было опасно. Друзья заискивали, всем хотелось надеяться получить в будущем посылку или гостевое приглашение из Америки.

У родственников, наоборот, настроение было похоронным. В будущем им предстояло заполнять графу о наличии родни за границей, что автоматически означало ограничение в гражданских правах. Для некоторых отъезд родственников за кордон означал, что в ближайшее время им тоже предстоит собирать чемоданы. Проблема возникала тогда, когда кто-то был связан с государственными тайнами.

На самом деле все тайны благополучно передавались на Запад ответственными работниками министерств и ведомств, а по количеству перебежчиков с большим отрывом лидировали спецслужбы. Тем не менее многие инженеры и научные работники должны были ждать своего выезда от пяти до десяти лет.

Родители постоянно запаковывали и распаковывали чемоданы. Главный вопрос заключался в том, что надо везти

с собой в Америку. Сведения были самые противоречивые. Все сходились на том, что лучше всего везти с собой золото, бриллианты и валюту. Но за это можно было загреметь и оказаться не на желанном Западе, а на дальнем севере, причем на долгие годы.

Все-таки Борькин папа решил рискнуть. На деньги, вырученные от продажи югославской мебели и дачи на берегу моря, было куплено по большому благу в ювелирном магазине несколько колец с бриллиантами. С помощью плоскогубцев и отвертки камешки были выдраны из колец. Потом папа поехал в Ленинград. Там жил будущий родственник одного очень известного советского, а потом и российского певца, прославившегося впоследствии своим проникновенным баритоном и смешным париком. В Питере он был известен в определенных кругах тем, что вставлял бриллианты в пластиковые лыжи людям, уезжающим за кордон.

С этого момента спокойная жизнь Бориного папы закончилась. Он все время думал только о лыжах. Когда папа был дома, лыжи должны были постоянно находиться в поле его зрения. Больше всего он боялся, что их украдут. Если папа уходил из дома, то за лыжами должна была присматривать Борькина мама. Вместе они никуда больше ходить не могли, потому что в этом случае папе пришлось бы нести лыжи на плече, что, во-первых, создало бы большие проблемы при посадке в автобус, а во-вторых, привело бы к значительным трудностям при встречах со знакомыми, которым бы при-

шлось объяснять, куда собрался папа с лыжами в августе месяце. В то, что он решил покататься на лыжах в Швейцарских Альпах, вряд ли бы кто-то в то время поверил. Подключить Борьку к охране лыж было нельзя, потому что тогда ему пришлось бы рассказать правду, а это нарушало все их планы. В случае прокола на таможне Борькино изумление должно было быть настолько естественным, что никто бы не усомнился в его искренности. Учитывая его юный возраст, репрессий со стороны органов можно было не опасаться. Борьке сказали, что лыжи предназначаются в подарок дальнему родственнику, живущему в Нью-Йорке, а он в свою очередь должен на первых порах помочь семье обустроиться в Америке.

Борьку лыжи особенно не интересовали, его волновало другое. Он чувствовал себя героем, его распирало чувство гордости, еще бы – он ехал в Америку. Еще несколько дней – и он окажется в стране Джека Лондона, Фенимора Купера и Марка Твена. Когда-то Борька мечтал искать золото на Клондайке, скакать на мустанге по прериям, жениться на прекрасной богатой креолке и найти затонувший в море испанский галеон, груженный золотом.

Другими словами, Борька хотел разбогатеть. Но разбогатеть он должен был таким образом, чтобы при этом на него ни в коем случае не работали другие люди. В советской школе ему основательно вдолбили в голову, что эксплуатация одних людей другими позорна.

За несколько месяцев до отъезда в Америку Борька прочитал одну из книг Теодора Драйзера и понял, что реальный способ разбогатеть в Америке – это попасть на нью-йоркскую биржу. Именно там крутятся огромные деньги, именно там, покупая и продавая акции и ценные бумаги, очень быстро можно разбогатеть.

Борька мечтал стать миллионером. Ради осуществления этой мечты он был готов на все. Рано вставать, чистить зубы, идти в школу, делать домашние задания. Ради этого Борька даже ходил к репетитору английского языка. Это была худая, длинная, скучная тетка, преподававшая иностранный язык в одном из городских институтов. Эти занятия вызывали у него чувство отвращения, а репетиторша – тихую ненависть. Но это было нужно Борису для осуществления его мечты. Единственное, против чего он восстал, так это занятия музыкой.

Мама мечтала о том, чтобы Боря, как любой приличный еврейский мальчик, играл на пианино. Поэтому Борис был направлен к очень талантливой преподавательнице музыки. С первого взгляда Борис понял, что он попал. Это была относительно молодая, жилистая, неистовая женщина. Когда она играла на фортепьяно, она забывала обо всем и впадала в нирвану. Закончив играть и придя в себя, она удивленно озиралась вокруг и с изумлением обнаруживала притихшего, сидящего на жутко неудобном стуле Борьку. После этого она безуспешно пыталась объяснить ему премудрости музы-

кального искусства. Борьку не покидало чувство, что училка была слегка не в себе. Единственным светлым пятном было то, что после урока мама учительницы, тихая пожилая женщина, угощала его молочным киселем или шоколадным пудингом. Когда впервые зашел разговор об отъезде в Америку, Борис понял, что он может шантажировать своих родителей.

Через пару недель, убедившись в том, что намерения серьезные, он пошел в наступление. Выждав удобный момент, Борька объявил, что его неокрепший организм не выдерживает таких сумасшедших нагрузок, и родителям из трех видов деятельности: плавание (Борис два раза в неделю ходил в бассейн), английский язык и музыка – придется выбрать два. Он не сомневался, что родители выберут плавание и английский. Борькин расчет блестяще оправдался. Папа сдался мгновенно, мама немного поколебалась, но потом с грустью согласилась.

Борис ликовал. Он выиграл разработанную им комбинацию. Совесть его при этом была абсолютно спокойна, потому что он понимал, что будущему финансисту и бизнесмену умение играть на пианино совершенно не нужно.

Таким образом, перед отъездом в Америку Борька мог сказать несколько фраз на английском языке и неплохо разбирался в международной экономической и политической ситуации. Дело в том, что в пятом классе он был назначен политинформатором и должен был раз в неделю, по поне-

дельникам, рассказывать о международном положении своим одноклассникам.

Борька знал, что в Африке негры борются против колонизаторов и их поддерживает все прогрессивное человечество. Он также знал, что в южноамериканской Колумбии наркокартели объявили настоящую войну правительству, а в Штатах постоянно нарушаются права чернокожих. Кроме этого, Борька неплохо успевал по математике.

Все это, а также то, что семья ехала непосредственно в Нью-Йорк, давало Борису чувство твердой уверенности в том, что его успехи на главной бирже Америки уже не за горами. А там, глядишь, и друг Андрюха получит вождеденную канадскую дубленку, а Наташка переедет из двухкомнатной квартиры в блочном доме в шикарную виллу на берегу океана.

Дома продолжались сборы. Постоянно возникали самые неожиданные проблемы. Нужно ли брать с собой иголки и нитки, как быть со школьными учебниками и что делать с лекарствами? Информация поступала самая противоречивая. Одни знакомые говорили, что все надо брать с собой, другие – что там есть все и стоит дешево. Сколько, точно никто не знал. Смущало то, что за все там надо было платить валютой, а это невозможно было представить, даже если напрячь всю свою фантазию. В конце концов находились какие-то компромиссные решения и чемодан с трудом закрывался – ненадолго. Через некоторое время все повторялось сначала.

Каждый член семьи должен был чем-то пожертвовать ради общего дела. Борька должен был отказаться от коллекции морских камешков и ракушек рапанов, которые собирал долгие годы. Маме было предложено оставить дома множество мраморных и фарфоровых слоников, которые начала собирать еще ее прабабушка. Папа должен был распрощаться с дюжиной бронзовых подсвечников, которые были предметом его особой гордости. Но это было не все. Папа, как глава семьи, должен был принести еще одну жертву. На расширенном семейном совете было решено, что папа должен бросить курить. Решение обжалованию не подлежало. Мама сказала, что покупать сигареты за доллары папа сможет, только предварительно ее застрелив. Технически это было несложно – оружие продавалось в Америке практически на каждом углу. Но остаться на чужбине без мамы, даже с сигаретой «Мальборо» в зубах, папе не улыбалось.

Как ни странно, папа подозрительно быстро и легко согласился. Это вызвало у Борьки смутные подозрения. Все выяснилось через несколько дней, когда он, возвращаясь домой, увидел прячущегося за углом папу с сигаретой в зубах. Борька сделал вид, что не заметил, и дома ничего не сказал. Через несколько дней мама встретила на улице папину сослуживицу Алису. Она работала с папой на одном заводе в должности инженера по социалистическому соревнованию. Мама с гордостью сообщила, что ее обладающий железной волей благодетельный с поразительной легкостью бросил курить. Алиса

загадочно улыбнулась, и у мамы возникло нехорошее предчувствие. После непродолжительного запирательства инженер по соцсоревнованию сообщила, что папа по-прежнему благополучно смолит на работе, причем даже значительно больше, чем раньше.

Дома папа был приперт к стенке, и от него потребовали объяснений. Жалобным голосом он пролепетал, что пытался, сделал все, что мог, но силы воли не хватило и ничего не вышло. Таким образом, вопрос о бросании курить был временно отложен, но окончательно с повестки дня не снят. Мама решила действовать другим путем, иными словами, она задумала зайти с тыла.

Глава 6. Влад

Итак, через несколько дней после посещения Большого дома Влад пошел записываться в секцию самбо. Отбор в секцию был очень своеобразным. Два подростка выходили на ковер, и начиналась откровенная драка. Победителя оставляли, побежденного безжалостно изгоняли. У Влада кровоточила губа, нос, подбит глаз, но он не проронил ни слезинки и победил.

Тренер сразу же заметил этого невысокого крепкого мальчишку. Его упорство граничило с одержимостью. Он неистово тренировался, казалось, что от этого зависит вся его жизнь. Какая-то непонятная сила гнала его вперед, к какой-то одному ему известной цели.

В школе Влад чувствовал себя чужим. Там уважали отличников, потому что у них можно было списать домашнее задание, а у Влада успехи в учебе, особенно в математике, были очень скромными. Кроме того, в школе все заискивали перед детьми аппаратчиков, хотели с ними дружить. Владу было бы стыдно пригласить одноклассников домой, в комнату в коммуналке, а рассказывать о родителях, заводских рабочих, ему тоже не очень-то хотелось.

На улице в том районе, где жил Влад, законы царили суровые. Здесь уважали силу, наличие связей с приклатенной публикой и возраст. Больших шансов тут у него не было, хо-

тя среди своих сверстников он пользовался репутацией безжалостного, ни перед чем не останавливающегося противника, добивающего своего соперника до конца.

С девчонками в школе тоже не складывалось. Влад был не дурен собой, не глуп, но совершенно не умел общаться с женским полом. У него было две крайности: либо он вел себя нагло и развязно, либо настолько скромно, что не мог выдать из себя ни одного слова. По понятным причинам ни тем, ни другим достичь успеха у женской половины общества он не мог. Владу нравились жгучие брюнетки восточного типа, но они не отвечали ему взаимностью – героями их романов были жгучие брюнетки кавказского типа.

В секции самбо все было по-другому. Здесь уважали успехи. Не важно было, на каком уровне ты начинал, важен был прогресс. Если человек не пропускал занятий, не отлынивал и тренировался с полной нагрузкой, то со временем он начинал добиваться первых успехов и получал признание товарищей по секции. Здесь никого не интересовало, кто у тебя родители, какая у них квартира. Не важна была твоя национальность и социальное происхождение.

Первые пацаны, с которыми Влад подружился, были два брата еврея – Алик и Гена. Семья и ближайшее окружение Влада были слегка антисемитскими, как, впрочем, и большинство жителей советской страны. Друзей евреев у его родителей и их родственников по определенным причинам не было.

Вообще еврейский вопрос в стране толковался очень своеобразно. Еврейство было национальностью, то есть предполагалось наличие в стране еврейского народа. Понятие «народ» предполагает наличие населения похожей внешности, живущего на определенной территории и говорящего на одном языке. При этом религий у этого народа может быть несколько. По этой логике евреи, живущие на Западной Украине, похожие на западных украинцев и говорящие на украинском языке, евреи, живущие в Гори, похожие на грузин и говорящие на грузинском, и евреи, живущие в Бухаре, похожие на узбеков и говорящие на узбекском, являлись одним народом. Хотя на самом деле единственное, что их объединяло, это то, что все они говорили по-русски, праздновали советские праздники, пили водку и закусывали ее сырокопченой колбасой. В синагогу практически никто не ходил и шабат не отмечал.

По логике вещей, все они имели полное право иметь советскую национальность, но такой по определённым причинам не существовало. Поэтому у всех этих людей в пятой графе стандартной анкеты была запись: «Национальность – еврей».

Это было жутко несправедливо, потому что эта запись серьезно ограничивала этих людей в правах, поэтому народная молва тут же окрестила их инвалидами пятой группы. При этом сражаться и погибать за Родину было благосклонно разрешено, также было разрешено умным головам ковать

защиту Родине и двигать вперед ее науку.

Ограничения, как правило, касались назначений на повышенные должности, заграничных командировок и других привилегий. Сказать при этом, что представители этого славного народа не занимали высоких должностей, означало бы сильно покривить душой. Жена высшего руководителя страны была еврейкой и происходила из военной среды, поэтому долгие годы ни одно назначение на высокие военные должности не обходилось без ее благословения. Так, добрая половина советских маршалов и главкомов состояла из представителей этого славного народа. Ходили упорные слухи, что даже самый главный чекист – тоже наполовину.

Много лет спустя Влад окажется в Израиле и с удивлением увидит эфиопов, марокканцев, аргентинцев, американцев и русских – внешне очень разных, говорящих на языках стран Исхода и объединенных только одним: религией и любовью к своей новой Родине. Тогда Влад наконец-то поймет, что еврейство – это не национальность, а религия, и поэтому советские евреи на самом деле таковыми не являлись.

Но в те далекие годы национальные вопросы волновали Влада меньше всего. В советской школе проблем с национальностью действительно не было, в ходу были другие ценности.

Друзья, которых Влад встретил на самбо, были первыми, кто по достоинству оценил его упорство, способность достигать поставленной цели любым путем и любой ценой. А кро-

ме этого, еще и какую-то совершенно необыкновенную верность своим и ненависть к чужим. Влад пронесет это через всю свою жизнь, он никогда не будет сдавать своих, чего бы это ему ни стоило, и всегда будет безжалостен к чужим, несмотря ни на какие негативные последствия для себя.

Влад продолжал усиленно тренироваться, и вскоре пришли первые успехи. Победа на районных соревнованиях и первый юношеский разряд заметно укрепили его авторитет не только среди друзей по секции, но также и в школе. И однажды он заметил, что темноволосая хорошенькая девчонка из параллельного класса всегда оборачивается и смотрит долгим задумчивым взглядом ему вслед.

Влад понял, что у него появился шанс, который нельзя упускать. После долгих колебаний он решил обратиться за помощью к Алику. Большой знаток загадочной женской души и непревзойденный ловелас с радостью согласился помочь. Алик сразу предупредил, что ни о каких проводах из школы домой не может быть и речи. Процесс сильно затягивается, кроме того, пробуждает ненужный интерес у потенциальных конкурентов, а этот риск нам совершенно не нужен. Главный принцип охмурения жертвы Алик сформулировал следующим образом: в первый же день необходимо осуществить телесный контакт с объектом, а потом каждый последующий день уровень этого контакта нужно постоянно повышать. На практике это означало, что в первый день нужно взять ее за руку, на второй – поцеловать в щечку, на

третий – в губы, на четвертый – залезть под кофту, а потом, если повезет, можно добраться и до самого святого, хотя с этим могут возникнуть проблемы, так как на дворе стояла зима и девчонки были серьезно зачехлены.

Начать операцию было решено на школьном вечере. Пригласив брюнетку на танец, можно было убить сразу двух зайцев: познакомиться и осуществить первый телесный контакт. Перед этим для того, чтобы вызвать интерес у потенциальной жертвы, Влад должен был пригласить на танец блондинку из их класса, которая была известна тем, что никому ни в чем не отказывала. После этого планировалось пригласить брюнетку, но сделать это нужно было незаметно, на случай, если она все-таки откажет, чтобы никто этого не приметил и Влад мог сохранить лицо.

Влад с ужасом ждал школьного вечера. Дороги назад не было, друзья ждали результата. Влад тщательно изучил планировку актового зала, пути подхода и возможного отступления. И вот этот день настал. Влад погладил через газету свои единственные штаны, надел свитер, связанный мамой из белой шерсти, привезенной из Прибалтики, и на ватных ногах отправился в школу.

Разработанный Аликом план, точнее, его первая часть, на удивление легко и просто сработала. Но самым неожиданным было то, что, провожая Марину домой, Влад с удивлением обнаружил, что с ней можно обо всем разговаривать. Она умела слушать, и ему хотелось говорить и говорить. Влад по-

нял, что он может рассказать ей намного больше, чем даже своим лучшим друзьям по секции. Советы Алика, касающиеся телесных и сексуальных домоганий, оказались совершенно ненужными.

Разговор тек как ручеек – весело, звонко и неудержимо. Рассказывая о своих спортивных успехах, Влад слегка приуврал, сообщив, что в ближайшее время, скорее всего, поедет на международные соревнования в Болгарию. После этого Марина дала свой телефон и сказала, что будет ждать его звонка.

Тогда Влад впервые в жизни почувствовал, что любое упоминание о предстоящей поездке за границу оказывает на женщин какое-то непонятное возбуждающе-эротическое воздействие и они становятся более податливыми и сговорчивыми.

На следующий день начинались зимние каникулы, и они договорились созвониться и вместе сходить в кино. Конкретная дата звонка и похода в кино не оговаривалась.

На следующий день на тренировке пацаны с нетерпением ждали подробностей. Влад с подчеркнуто безразличным видом поведал друзьям о том, что дело в шляпе, телефон на кармане и сегодня он будет звонить и договариваться о свидании. Алик сделал при этом квадратные глаза и с ужасом закричал, что Влад собирается сделать самую большую ошибку в своей жизни.

Алик был непоколебимо уверен в том, что девчонкам ни

в коем случае нельзя звонить на следующий день. Им было разработано так называемое правило «четвертого дня». Это означало, что звонить в первый день было ни в коем случае нельзя только потому, что они были в этом абсолютно уверены.

Главный принцип отношений между мужчиной и женщиной, по мнению Алика, заключался в том, что женщина никогда не должна быть ни в чем уверена. Именно в этом он видел фундамент прочных отношений в будущем.

На второй день звонить было тоже нельзя, потому что уверенность, хотя и намного меньшая, все еще оставалась. На третий день она начинала задумываться о том, что что-то сделала не так, возможно, была недостаточно ласкова. Но надежда, хотя и небольшая, все-таки еще оставалась. На четвертый день надежды больше не было, и она обвиняла себя в том, что она последняя дура и упустила такого замечательного парня. В этот момент раздавался долгожданный звонок, и, естественно, она была согласна на все.

Влад выполнил все указания друга, а четырехдневное молчание объяснил интенсивными тренировками в связи с предстоящей поездкой в Болгарию. По голосу Марины он понял, что звонка она ждала.

Тогда Влад впервые в своей жизни очень сильно усомнился в том, что всегда надо говорить только правду и только так можно чего-то в жизни добиться. Этому его учили родители. Конечно, Влад, как и большинство детей, врал. Когда это до-

вольно быстро выяснялось, его сильно ругали, но никогда не били. Родители были людьми простыми, но они очень любили своего сына. Влад был третьим ребенком в семье, но двое старших братьев умерли совсем маленькими, не пережив тех тяжелых времен. Сегодня невозможно себе представить, как можно вырастить ребенка без антибиотиков, а в то время их не было, и детская смертность была ужасающей.

Вся нерастраченная любовь родителей досталась Владу: его баловали, насколько это было возможно в те нелегкие послевоенные годы. В будущем это станет одной из его проблем: любое действие, направленное против него, он будет воспринимать как смертельную обиду.

Так Влад определил тогда для себя одно важное жизненное правило, которому он будет следовать всю жизнь: ты можешь делать все что угодно, если у тебя есть достойная цель. Только цель, и больше ничто, определяет средства ее достижения. Чем важнее цель, тем шире диапазон возможных для применения средств. Высшая цель оправдывает любые средства.

Так началась история его первой любви. Маринка была чертовски хороша собой. От мамы, обрусевшей питерской татарки, она унаследовала внешность восточной красавицы. От папы, черноволосого и темноглазого украинца, ей досталась статная фигура и умная голова. Занятия гимнастикой дали ей красивую осанку и гордую походку. Когда Марина шла по улице, ей оборачивалась вслед вся мужская часть на-

селения города на Неве. Влада это страшно раздражало, но, с другой стороны, было предметом его тайной гордости. Самое интересное было то, что Маринка совершенно не понимала того, что она жутко красива и мужики согласны ради нее на любые жертвы. Она не считала себя чем-то из ряда вон выходящим, а легкий восточный менталитет подсказывал ей, что парень может быть только один и на всю оставшуюся жизнь.

Так Владу нежданно-негаданно попала в руки красивая, умная, верная и хорошая девка. Так будет нередко происходить в его дальнейшей жизни. То, на что он потратит долгие годы мучительной борьбы, в последнее мгновение будет, как морской угорь, ускользать из его рук. Напротив, то, к чему он не приложит практически никакого усилия, будет само падать ему в ладони, да еще так, что ему придется прилагать невероятные усилия, чтобы удержать «это» в руках.

Первым делом Марина занялась общеобразовательным уровнем Влада. Книг в доме Влада практически не было. Отец читал газеты, мама – журналы «Огонек» и «Крестьянка». Влад брал в библиотеке книги про шпионов и диверсантов, прочитал все собрания сочинений Джека Лондона и Фенимора Купера. Классиков, которых проходили по литературе, он тихо ненавидел. А еще Влад любил сказки, хотя никогда и никому в этом не признавался.

Мать всегда читала ему в детстве перед сном, и с тех пор сказки всегда ассоциировались у него с домашним уютом,

теплой постелью и ласковым материнским голосом. Влад с одинаковым упоением читал русские, западноевропейские и восточные сказки. Влад собирался стать разведчиком, а разведчик, как известно, должен быть знатоком человеческой души. Ничто так точно не отражало внутренний мир и душу народа, как его сказки.

Героем русских народных сказок был Иван-дурак, вечно лежащий на печи и мечтающий о чуде. Он мечтал о скатерти-самобранке, заставленной деликатесами и заморскими напитками, о ковре-самолете, на котором можно было улететь в дальние страны, о живой воде, возвращающей жизнь, и мертвой воде, залечивающей раны. Иван мечтал о мудром царе и добром боярине, красивой жене и умных детях.

А в это время огород зарастал бурьяном, изба перекашивалась набок, крыша начинала протекать, полуживая корова практически не давала молока, а последнюю овцу уволакивал в лес злой волк. Но вся эта разруха совершенно Ивана не беспокоила, ведь скоро должно было свершиться чудо и тогда у него все будет. Эта вера в чудо всегда будет присуща русскому народу. Так и будем мы всегда надеяться на мудрого царя и доброго боярина, на очередную революцию и хороший парламент, на зиму без снега и лето без засухи. И будет эта вера в чудо вечным проклятием русского народа.

Героем большинства европейских сказок был ремесленник, человек труда. Он работал не покладая рук и в конце

концов достигал такого совершенства, что происходило чудо.

Всю жизнь вырезая из дерева кукол, он создал в результате живого Буратино. Он семьсот лет строил Кельнский собор, и получилось одно из чудес света.

Сотни лет он строил дамбы, и сегодня все восхищаются Нидерландами, что в переводе означает «Низкая земля». Эта земля всегда затапливалась морем и поэтому была никому не нужна. Сюда приходили сильные духом люди со всей Европы, они могли брать столько земли, сколько были в состоянии обработать. Люди покидали родные места по религиозным мотивам или из-за бедности. На новой Родине они могли верить в любого бога, а то, что они зарабатывали своим трудом, у них никто не отнимал.

У всех, правда, была общая святая обязанность – строить дамбы, потому что от этого зависела их жизнь.

Это был своеобразный европейский вариант Америки. Поэтому маленькая Голландия, созданная очень сильными людьми, до сих пор оказывает непропорционально большое экономическое и политическое влияние во всем мире.

В нашей стране никогда не будет проблем с умными и светлыми головами. Ученые, писатели, художники, поэты, композиторы прославят эту великую страну. Их творения войдут в мировую сокровищницу науки и культуры.

Большие проблемы будут возникать тогда, когда нужно будет что-то сделать руками. И тогда на помощь позовут гол-

ландцев, и они построят нам первые корабли, итальянцы возведут великолепные дворцы в городе на Неве, немцы займутся машинами и техникой, а французы сошьют красивую одежду и сделают хорошее вино. Добычу и транспортировку первой нефти возьмут в свои руки шведы. Позднее американцы и итальянцы построят автозаводы. Наши ученые создадут уникальные технологии по переработке металлов, но современные металлургические заводы поставят нам из-за границы. Физики-ядерщики создадут теоретическую основу, но атомную бомбу придется украсть у немцев и американцев. Даже революция, которая на долгие годы изменит мир, будет сделана с помощью немцев, а главное оружие классовой борьбы – органы ЧК – создадут поляки и швейцарец.

А еще были сказки восточные, в них доминировала хитрость. Главным героем был тот, кто обводил всех вокруг пальца.

По холодной, промерзшей степи на худой полуживой кляче ехал бедняк. Уже не первый день без маковой росинки во рту, тощее тело едва прикрывал дырявый халат. Полное отсутствие денег и каких бы то ни было перспектив завершало печальную картину.

И вдруг впереди появлялся неясный силуэт. Навстречу на хорошем коне, сытый, в дорогой шубе, с полным кошельком золота и совершенно довольный собой, скакал богач.

Дальше с помощью лести, наперстков и других нехитрых

приспособлений бедняк разводил богача. Завершалась история тем, что хитрый бедняк на хорошей лошади, с полным кошельком денег и в дорогой шубе, довольный собой, ехал дальше. Богачу же доставались отрепья, но при этом, как ни странно, он нередко чувствовал себя победителем.

Поэтому народная мудрость и сейчас гласит: общаясь с представителями Востока, всегда будь начеку, чтобы тебя не обвели вокруг пальца. О том, чтобы обмануть их, не может быть и речи.

Итак, Марина, происходящая из интеллигентной семьи, решила заняться воспитанием Влада. Первым делом она попыталась разрушить его предубеждение к классике. По ее мнению, настоящий разведчик должен был не только уметь сидеть в подгузнике в засаде, но и поддерживать непри-нужденную светскую беседу. Этому железному доводу Влад был не в силах что-либо противопоставить. Пришлось, скрепя сердце, согласиться. Так были прочитаны по одному-два произведения основных русских классиков, а благодаря хорошей памяти в будущем ему будет иногда удаваться блеснуть своей эрудицией.

Владу хотелось сделать Марине приятное, хотя он прекрасно понимал, что не знания русской классики позволят ему проникнуть на юрфак университета. Надеяться он мог только на успехи в самбо, поэтому главные усилия нужно было концентрировать именно на этом направлении.

Глава 7. Иса

Исе было очень важно, чтобы именно мать первой узнала эту замечательную новость. Ему хотелось увидеть такую редкую радость в ее усталых и печальных глазах. Выплеснув все свои эмоции и наскоро перекусив, Иса побежал дальше. Мать долго смотрела ему вслед, слезы радости текли по ее впалым щекам, но какое-то странное чувство надвигающейся катастрофы поселилось с этого дня в ее душе.

Иса бежал дальше на свой любимый утес на берегу. Следующим, кто должен был узнать о его большой радости, был его друг – океан. Иса часто приходил на это место и рассказывал о том, что наболело на душе. Океан внимательно его слушал, а потом долго шептал что-то в ответ. Через какое-то время Исе становилась ясно, что нужно делать дальше, казалось бы, океан посылал ему такой важный и нужный ответ.

Так было и в этот день. Иса долго рассказывал ему о своих успехах, планах и надеждах. Океан шептал что-то в ответ. На самом деле это был молчаливый разговор. Они понимали друг друга без слов, это был обмен мыслями.

Но что-то в этот день было по-другому, казалось, что океан хотел сообщить Исе нечто важное, понимая, что, возможно, это одна из их последних встреч.

Иса долго сидел на берегу, вслушиваясь в шум прибоя и вглядываясь в океанскую даль. И вдруг он увидел «Это».

Раньше он часто думал о том, как это все произошло. Но в этот раз казалось, что он сидит один в огромном кинотеатре и перед ним разворачивается совершенно фантастическое зрелище.

Раскаленная добела планета по имени Земля неслась с огромной скоростью по своей вечной солнечной орбите. Навстречу ей с еще большей скоростью летела гигантская Комета, состоящая из твердых кристаллов газов и частиц соленого льда. В каждом литре льда содержалось тридцать пять граммов соли. Комета была похожа на огромное облако, но это было не совсем так. Внутри она была твердой, это была монолитная, смерзшаяся масса льда и твердых газов.

Вероятность встречи двух подобных объектов была практически равна нулю. Шансов уцелеть после столкновения у Земли было еще меньше. Но все же это столкновение произошло. К счастью, Комета зацепила ее самым краешком – своей газообразной частью. Тем не менее последствия этого для Земли были катастрофическими. То, что происходило в это время на планете, можно назвать одним коротким словом – Ад.

Удар пришелся туда, где сегодня находится глубоководная часть Тихого океана. От этого места в разные стороны понеслись гигантские волны раскаленной лавы. Сверху на них падали миллиарды тонн кристаллического льда, и в какой момент эти волны замирали, чтобы превратиться, позднее, в горные хребты. С другой стороны Земли от удара ото-

рвалась ее довольно значительная часть. В местах разрыва вверх взметнулись гигантские языки раскаленной лавы, которые тут же были окутаны холодными массами замерзшего льда и газов. Так и стоят эти гигантские пики по периметру Гондваны: Кордильеры, Анды, Драконовы горы, Килиманджаро и Гималаи. Кажется, что мать Земля в отчаянии взметнула вверх свои руки, навсегда прощаясь со своей любимой дочерью – прекрасной Луной.

Но это было не самое главное. Как парадоксально это ни звучит, в этом раскаленном, кипящем, взрывающемся аду начала зарождаться будущая жизнь.

Тело человека, впрочем, также как и других животных, состоит на девяносто пять процентов из кислорода, водорода, углерода и азота. Остальные пять процентов – это различные соли и металлы. В природе эти элементы находятся в самых различных формах: газы, жидкости и твердые вещества. Например, углерод может быть газом, углем или алмазом. Молекулы одни и те же, разница только в их соединениях, то есть в кристаллической решетке. Мы можем создавать из одних веществ другие. Для этого нужно только разрушить молекулярные связи, при этом, правда, не уничтожить сами молекулы. Так и создают из угля алмаз с мощью взрыва в закрытой твердой капсуле. Температура и давление разрушают кристаллическую решетку, а твердая капсула не дает молекулам разлететься в разные стороны.

При смешении кислорода с водородом происходит взрыв

и образуется вода.

Сегодня нам известно, что на дне полярного океана, где обычно температура – около нуля градусов, происходит слабое извержение лавы. Вода разогревается до трехсот пятидесяти градусов. И в этот момент в условиях, казалось бы, совершенно не пригодных для жизни, происходит образование простейших организмов, которые начинают развиваться со скоростью, в несколько раз большей, чем в нормальных условиях.

Но для образования более сложных форм жизни только температуры и давления недостаточно, нужно что-то еще.

В момент столкновения Земли с Кометой расплавленная лава пульверизировалась и мельчайшие частицы получили гигантское ускорение. В это мгновение нарушилась их кристаллическая решетка и произошло смещение во времени. Из мертвой материи стали образовываться живые клетки, которые находились в другом временном пространстве.

Всем известно, что время – понятие относительное. Мы привыкли мерить нашу жизнь годами, нам их отведено около ста. Фруктовая муха живет один день, и за этот день у нее проходит детство, юность, зрелость и старость. Она мерит свою жизнь минутами. Четверть часа она воспринимает как мы – один год. Есть моллюски, которые живут около тысячи лет. Для них один год равен нашим десяти. Для нашей Вселенной тысяча лет – это одно мгновение.

При достижении скорости света время останавливается, а

при превышении ее начинает двигаться назад.

В момент образования живых клеток процесс их развития, в нашем сегодняшнем восприятии, длился какие-то секунды или минуты. Но в их смещенном времени они прошли за эти мгновения гигантский путь развития. Из клеток образовывались аминокислоты, из них – молекулы ДНК, из которых, в свою очередь, появились сложные живые организмы. Радиоактивное излучение явилось своеобразным катализатором всех этих процессов и привело к многочисленным мутациям в момент зарождения органической жизни.

Количество живых организмов, возникших в этот момент, можно по количеству сравнить с массой песка в пустыне или с горами средней величины. Вся эта живая масса была, безусловно, обречена на уничтожение, ведь процесс образования оболочки Земли был еще далеко не закончен.

Эти миллиарды тонн живых организмов не были уничтожены – они погибли, обеспечив этим основу нашего будущего благополучия и процветания.

Гигантские волны остывающей лавы продолжали двигаться, погребая под собой моря живых организмов, так образовывались будущие залежи нефти. Не зря в народе всегда говорили, что нефть – это кровь наших предков.

Не везде условия были достаточны для возникновения сложных живых организмов. Где-то их хватало только для образования клеток растений, и тогда волны остывающей лавы погребали под собой миллиарды тонн биологической

массы. Сегодня там находятся месторождения природного газа.

Все это сопровождалось землетрясениями гигантской силы, которые, казалось, были способны расколоть Землю на мелкие осколки. К счастью, этого не произошло.

И сошлись вместе свет и тьма, огонь и вода, мгновение и вечность, и появилась жизнь на этой прежде не пригодной для нее планете.

И стоял стон по всей земле. Миллиарды живых организмов корчились в страшных судорогах рождения и сошлись в одном диком крике. В этом крике была радость появления на свет, страх перед неизвестной жизнью и неотвратимо грядущей смертью.

И вдруг вся эта движущаяся, клокочущая масса огненной лавы, кипящей воды, холодного льда, миллиардов живых организмов и триллионов тонн растительной массы остановилась, как будто бы наткнувшись на какую-то непреодолимую стену.

Это можно сравнить с оползнем, который возникает, когда земля насыщается водой и в какой-то момент становится жидкой. Земля начинает течь, смывая дома, дороги, мосты. И потом эта масса мгновенно останавливается, превращаясь опять в твердую породу, погребая под собой иногда целые города. Или снежная лавина, которая срывается со склона горы, не выдерживая собственного веса и увлекая за собой все, что она встречает на своем пути. Потом лавина останав-

ливається, превращаясь при этом в твердую массу смерзшегося снега, не оставляя ни одного шанса попавшим под нее людям.

И вдруг Земля замерла. Нет, это была ещё не та Земля, которую мы видим сегодня. Миллионы лет будут извергаться сотни тысяч вулканов, а страшные землетрясения будут долго сотрясать нашу планету. Но самое тяжелое было позади, Земля выстояла. Она не разрушилась после этого страшного удара, если не считать потери Луны. Но масса Луны составляет примерно два процента от массы Земли, а это немного. Так, для взрослого человека похудение на один-два килограмма совершенно не проблематично.

Земля потеряла Луну, но вместо нее получила Жизнь. Кипящая, раскаленная лава ушла внутрь, уступив место твердой земле, горам, океану и атмосфере. Но до сих пор огненная лава периодически дает нам о себе знать своим ворчанием, будто бы предостерегая нас от излишней самоуверенности и напоминая о том, как хрупок окружающий нас мир. А Луна не улетела очень далеко и как бы превратилась в прекрасную, постоянно меняющуюся картину, висящую высоко в небе.

Это было пробуждением после долгого сна, как приход человека в себя после комы, в которой он находился дни и недели, пролетевшие для него как одно мгновение.

И стали подниматься из грязи и пыли животные и звери самых причудливых форм и размеров. Полетели разноцвет-

ные птицы. Поползли змеи и черви, замахали крыльями насекомые. Большинство из них были обречены на смерть в ближайшие дни, потому что были созданы на основе случайности и совершенно не соответствовали возникшим условиям жизни. Они были либо слишком большими, чтобы суметь себя прокормить, либо слишком тяжелыми, чтобы самостоятельно передвигаться. У некоторых была очень тонкая кожа, не было волос и жира, чтобы согреть их в холодное время. Никто из них не задумывался о том, откуда они появились, они считали, что они были всегда. Эта вновь возникшая жизнь существовала всегда, просто она сделала паузу, продолжительность которой мы так никогда и не узнаем. Также мы никогда не узнаем, почему расплавленный камень при особых условиях не просто разрушается, а превращается в живой организм. Есть какая-то высшая сила, которая управляет этими загадочными процессами, и называется эта сила «Всевышний».

А из грязи поднимались все новые и новые существа, и все они, повинувшись какому-то странному, общему для всех чувству, начинали двигаться в одном для всех направлении. Какая-то неведомая сила гнала их всех куда-то.

Это было как стадо буйволов, в котором самки рожают детенышей, и те, еще не умея стоять на ногах, должны двигаться дальше вместе со всеми. И только те, кто находит в себе силы идти вперед, выживают. Слабые падают, и их безжалостно затаптывают копытами их же собственные родители.

И все, кто мог, продолжали двигаться. Кто был не в состоянии двигаться, были обречены на смерть. Казалось, что смысл этой новой, только что зародившейся жизни заключается в этом совершенно бессмысленном движении. Но это только казалось. На самом деле в этом движении был жизненно важный смысл. Как и стадо буйволов, которое движется не просто так, а всегда строго по направлению к воде. Все, сами того еще не понимая, шли к воде.

Какое-то странное, незнакомое чувство охватило всех. Все, что могло двигаться, двигалось вперед, и чувство, которое этим руководило, называлось «Жажда».

На Земле не было воды. То есть вода была, были целые моря и океаны воды, на это была вода соленая, и ее нельзя было пить. Пресных озер и рек еще не было. Нужно было время для того, чтобы вода испарилась из океанов, образовались облака, прошли дожди, образовались ручьи, вода стекла и накопилась там, где не было соленой воды.

Тем не менее все живое двигалось по направлению к воде. Откуда они знали, где она находится, неизвестно, но и сегодня животные и птицы безошибочно находят источники воды. Мелкие существа, которым нужно было всего несколько капель, находили воду довольно быстро. Труднее было крупным животным – им нужно было много воды. Когда они находили небольшие озера пресной воды, разгорались настоящие бои за право напиться первым.

И спустя многие миллионы лет мы всегда будем стремить-

ся к воде. Из-за воды будут вестись кровопролитные войны. Место на берегу всегда будет самым желанным и престижным. И даже сегодня мы стремимся провести свои последние годы жизни в вилле на берегу океана, в отпуск поехать на море, а прибыв в отель, бьемся с другими отдыхающими за лежак, стоящий поближе к воде.

Но не только животные, птицы и гады поднялись из грязи и пыли и начали свой путь в этой жизни. Среди всей этой живой движущейся массы были и люди.

Создатель не дал людям больших зубов, огромной силы и длинных острых рогов. Со своими довольно скромными физическими возможностями люди не имели ни малейшего шанса выжить в том жестоком и суровом мире. Но они выжили, потому что только одних их Всевышний поставил на две ноги, дал интеллект и две руки, которыми они могли работать.

Какие они были, эти первые люди? Когда из огненной лавы и соленого льда благодаря огромной скорости, высокому давлению и радиации зародилась жизнь и появились молекулы ДНК, из-за смещения во времени они прошли путь развития, на который в обычных земных условиях уходит несколько лет. Те люди, которые поднялись из земли и пошли, не имели родителей в нашем понимании, они развились из молекул ДНК, их матерью была Земля, а отцом – гигантский Айсберг, прилетевший из космоса, вонзившийся в нее и оплодотворивший ее.

Все возникшие из лавы люди были очень похожи друг на друга: руки, ноги, голова, внутренние органы у всех абсолютно одинаковы, разным был только цвет кожи, который определил цвет земли.

Темно-коричневая, насыщенная железом земля Африки создала замечательных, как будто вылитых из вороненой стали, пластичных, наполненных ритмичной музыкой, темнокожих людей. Африканские джунгли были заполнены сладкими, сочными, тропическими плодами, которые обеспечили сытое, благополучное существование многих последующих поколений.

Из глинистой азиатской почвы вышли трудолюбивые, умеющие жить в полной гармонии с окружающей природой, давшие миру величайшие открытия люди с желтым цветом кожи.

Белоснежные известняковые горы Средиземноморья вдохнули жизнь в голубоглазых светловолосых людей белой расы. Условия их жизни никто и никогда не сможет назвать легкими и простыми. Тяжелая борьба за выживание в суровых условиях будет вечным спутником их нелегкой жизни.

Иса открыл глаза и в первый момент не мог понять, где он. Сумерки плотно укутали прибрежные утесы, внизу тревожно шумел океан, как бы напоминая, что это ещё не все, что ему нужно очень многое рассказать.

Глава 8. Борис

Дома полным ходом продолжались сборы в дорогу. Вес чемоданов был строго ограничен, поэтому основной упор предполагалось сделать на ручную кладь и верхнюю одежду. Как ни странно, вес ручной клади ограничен не был. То есть она должна была быть небольшой, но могла быть очень тяжелой. Так, папина ручная кладь весила примерно килограммов пятьдесят, мамина и Борькина тянули минимум на двадцать каждая. В неброских колониальных сумках покоился запас одеколona «Шипр», туалетного мыла, зубной пасты и маминого крема для рук, которого должно было хватить на ближайшие три-пять лет. Кроме того, там были здоровенные словари английского языка и огромный запас школьных тетрадей, которых должно было хватить Борьке до окончания школы, а возможно, и университета. Таким образом планировалось сэкономить довольно значительную сумму в свободно конвертируемой валюте.

Вторым способом скрытой контрабанды и перевеса должны были стать тела. Каждый член семьи при пересечении государственной границы должен был надеть на себя как минимум три майки, трое трусов и носков, пару рубашек и свитеров. Завершался этот показ высокой моды облачениями в зимние пальто, в мамином случае – в каракулеву шубу, а на голове папы, несмотря на конец лета, должна была гордо

возвышаться купленная по великому благу ондатровая шапка. В таком экзотическом виде семья и должна была отбыть в Америку.

Но до отъезда оставалась ещё пара недель, и перед семьей стояла одна нерешенная серьезная проблема. Отвратительная папина привычка – выкуривать в день по одной пачке сигарет с фильтром – грозила низвергнуть всю семью на новой родине в финансовую пропасть. Дело в том, что в Нью-Йорке не было сигарет «Орбита» по тридцать копеек за пачку, и там папе пришлось бы курить «Мальборо» и платить за это удовольствие свободно конвертируемой валютой. От одной мысли об этом маму бросало в дрожь, она понимала, что их скромный семейный бюджет такой сумасшедшей нагрузки не выдержит. Папа, проявивший поначалу полную готовность и понимание, в результате показал свою полную неспособность расстаться с этой пагубной привычкой. Причиной тому была слабая воля, а точнее, ее полное отсутствие.

Но у мамы оставалась последняя надежда, и называлась она Витя Мецнер. Дядя Витя, как называл его Борька, был главным врачом городской психиатрической больницы, другом родителей и совершенно уникальным человеком. Дядю Витю обожал весь город, включая всех без исключения сотрудников больницы и психов. Психи, которых первый раз обычно засовывали в психушку силой или обманом, потом шли туда как на праздник, предвкушая встречу с любимым доктором. Доктор Мецнер имел ненормированный рабочий

день. Это означало, что он был на работе всегда. Выходные дни, праздники, отпуска – все это было ему незнакомо. Однажды он даже попытался поехать в дом отдыха и через два дня оттуда сбежал, соскучившись по своим психам. Но при своей двадцатичетырехчасовой занятости дядя Витя имел жену, которую обожал, двоих детей, которых иногда видел, и кучу друзей, которые обожали его. Он дружил с половиной города, с другой половиной города он был знаком. В Москве он был хорошо знаком со многими известными писателями, поэтами, врачами и космонавтами. Борька хорошо помнил, что при всей своей занятости дядя Витя не пропустил ни одного дня рождения его родителей.

Но, как ни странно, даже при таких обширных связях у дяди Вити были проблемы. Точнее, проблема была одна – доктор Мецнер никак не мог защитить диссертацию. То есть, конечно, диссертацию он защитить мог, и не одну. Проблема была в другом. В свое время черт дернул его выбрать неудачную тему – «Лечение наркомании». Если бы он выбрал тему «Лечение алкоголизма» или, еще лучше, очень актуальную в то время тему «Лечение вялотекущей шизофрении», дядя Витя давно бы уже стал не только кандидатом, но даже доктором наук. Но врач Мецнер был человеком порядочным и выбрал ту тему, которую считал очень важной для своей страны. Будущее показало, что он был совершенно прав, но до этого было еще далеко.

Проблема заключалась в том, что официально в советской

стране наркомании не было. Она была только в странах загнивающего капитализма. То есть очень маленькая наркомания была и у нас – двадцать три человека на всю страну, как сообщала официальная закрытая статистика. По данным же дяди Витиных исследований, только в их области наркоманов было несколько сотен, а по всей стране счет шел на тысячи, если не на десятки тысяч.

Когда органы выяснили, чем занимается главврач психбольницы, его вызвали на допрос, и человек в сером костюме, представившийся Владимиром Ивановичем, объяснил, что работу над диссертацией придется на время, а может быть, и навсегда, прекратить. Действительно, как можно было заниматься тем, чего нет?

Довольно долго органы не давали о себе знать. Дядя Витя уже мысленно поставил крест на своей диссертации, когда вдруг Владимир Иванович неожиданно позвонил и предложил встретиться с ним в городском парке. Что-то изменилось, и сотрудник органов выглядел не таким самоуверенным, как в первый раз. Он долго рассказывал о том, как он хотел помочь доктору, сколько усилий он приложил к тому, чтобы тот мог работать дальше, и какое важное значение имеет его тема для общества. Одним словом, дяде Вите было разрешено писать диссертацию, только защита должна быть закрытой, а сама монография иметь гриф «Для служебного пользования». В конце разговора Владимир Иванович, вдруг глядя себе под ноги, смущенно сказал: «Товарищ Мещнер, у

меня есть к вам личная просьба: мне нужна ваша помощь».

Ящичек открывался очень просто. Оказалось, что сын Владимира Ивановича, студент первого курса университета, начал употреблять наркотики, чем поставил под удар не только свое будущее, но и благополучие всей семьи, включая карьеру отца. Обратиться за помощью официально нечего было и думать, это означало немедленный крах и изгнание из органов. Доктор согласился, у него с этим проблем не было. Мецнер лечил людей, и это все определяло. В клятве Гиппократата, которую он давал по окончании мединститута, ни слова о регистрации больных и оформлении документов не было.

Таким образом, благодаря пагубной привычке сына ответственного работника дядя Витя смог продолжить корпеть над диссертацией, которую в скором времени благополучно защитил.

И вот к дяде Вите было решено обратиться с просьбой помочь папе бросить курить. Единственным условием доктора было то, что лечение должно было происходить не дома на кухне, а в стенах клиники, пусть даже и амбулаторно. Таким образом, папа должен был по пути с работы домой заходить в психбольницу, где после короткого разговора с врачом он получал пару таблеток, кроме того, ему регулярно там меняли антиникотиновый пластырь на спине, который был тогда последним криком медицинской моды. Дома маме вменялось в обязанность каждый вечер перед сном выгули-

вать супруга в соседнем парке. На работе папа находился под неусыпным оком инженера по социалистическому соревнованию Алисы, которой в качестве благодарности в будущем мамой были обещаны американские джинсы. Короче говоря, папа был загнан в угол, и ни одного шанса не бросить курить ему оставлено не было. По Борькиному мнению, главной причиной того, что папа все-таки бросил курить, было то, что он не хотел расстраивать своего друга Витю Мещнера, которого очень любил и уважал.

Итак, будущий семейный бюджет был спасен. Наступила последняя, заключительная, фаза сборов. Все, что происходило в эти дни, было в последний раз. Последняя поездка на дачу, которая была уже продана, но с условием использования ее до отъезда в Америку. Последняя поездка в гости к бабушке и дедушке. Последний поход на море и в кино.

В этот день Борька пошел последний раз на тренировку по плаванию. Несколько последних лет он три раза в неделю ходил в городской бассейн. Большого удовольствия плавание в вечно холодной, воняющей хлоркой воде ему не доставляло. Но родители были непреклонны, считая, что спорт – дело святое, и ему приходилось подчиняться. Единственным светлым местом в этой истории была дорога в бассейн. Борька шел через центр города, и обязательным условием была покупка по пути мороженого и газированной воды. Но это было не все. Иногда по дороге, проходя мимо театров, он встречал знаменитых артистов. Множество красивых жен-

щин заставляли учащенно биться его сердце. А еще был один человек, встречи с которым всегда очень волновали Борьку. Нет, они не были знакомы и даже никогда не разговаривали. Этим человеком был художник Балтыков. Он был местной достопримечательностью, его знал весь город. Небольшого роста, с лицом, как будто высеченным из камня, он был похож на первых американских президентов, барельефы которых являются визитной карточкой этой страны. Он был далеко не молод, и совершенно седые, длинные, волнистые, но при этом ухоженные волосы спадали до его плеч. Балтыков служил художником в оперном театре. Он был талантлив, но никогда не занимал никаких официальных должностей, не был обласкан властью и жил в бедности. Написанные им декорации были очень яркими и сочными, они создавали у зрителей ощущение вечного праздника и счастья. Сам же художник был очень одинок и, казалось, совершенно несчастлив.

Но не театральные декорации прославили Балтыкова на весь город. В то время театральные и кинохудожники были малоизвестны среди обычных людей. Известность художнику принесла его совершенно удивительная манера одеваться. По городу он ходил в ярко-голубом гусарском кителе с золотыми аксельбантами. Белые гусарские штаны и сверкающие латунные пуговицы завершали этот удивительный ансамбль и заставляли прохожих в ошеломлении останавливаться.

При жизни Балтыков не продаст ни одной картины. Спу-

стя много лет, когда художник умрет в полной неизвестности и нищете, он, как положено, будет всеми признан, его картины начнут продаваться за большие деньги, и все узнают его удивительную историю жизни.

Художник Балтыков был абсолютно счастливым человеком. У него была мечта, и она каждый день могла осуществиться. О том, что она с таким же успехом могла не осуществиться никогда, он старался не думать.

Балтыков ждал встречи с инопланетянами, они должны были за ним прилететь и забрать его с собой на далекую замечательную планету, где все счастливы и живут вечно. Единственная проблема заключалась в том, что инопланетяне могли взять с собой только одного человека. По плану художника, этим человеком должен был стать непременно он.

Вначале инопланетяне будут долго наблюдать за людьми, и тогда среди серой унылой массы одинаково одетых людей они увидят яркое пятно. Это пятно будет двигаться зигзагами и поэтому быстрее обратит на себя внимание. Потом инопланетяне приземлятся и вежливо предложат художнику отправиться вместе с ними на далекую планету. И тут наступит очень важный и ответственный момент. У пришельцев не будет времени ждать, пока художник завершит все свои дела и со всеми попрощается. Ничто не должно было держать его на этой земле. Поэтому художник никогда не имел семьи, близких людей и друзей. Кроме этого, у него не было никакой собственности. Когда-то он жил в бараке, но потом

барак расселили, и Балтыков получил однокомнатную квартиру в блочном доме. В квартире не было никакой мебели, то есть не было ни одного шкафа, стола или стула и даже ни одной табуретки. Художник ел, спал, сидел и лежал исключительно на газетах. Газеты заполняли всю квартиру. Балтыков покупал каждый день по несколько газет и просматривал их только с одной целью: выяснить, не приземлились ли уже где-нибудь на Земле инопланетяне. Если бы это произошло, то его шансы быть замеченным резко бы уменьшились. Поэтому, купив и прочитав все газеты и не найдя никаких сообщений о пришельцах, он спокойно продолжал свой зигзагообразный путь.

Художник Балтыков был всегда готов по первому предложению инопланетян покинуть нашу планету и отправиться навстречу новой неизвестной жизни. В этой жизни и на этой Земле его ничто не держало. Так он прожил, с этой светлой и яркой мечтой, свою такую внешне безрадостную, бедную и тоскливую жизнь.

И вот, возвращаясь домой после последней тренировки, Борька издалека заметил мелькающее, быстро движущееся, ярко-голубое пятно. Когда художник проходил мимо, Борьке показалось, что тот ему подмигнул. Борька расценил это как хороший знак, но также с грустью подумал о том, что в Америке ему будет очень не хватать этих встреч.

Все было готово к отъезду. Папа был исключен из партии и уволен с работы, мама простилась со своим строитель-

ным управлением, Борька был изгнан из комсомола. Квартира была отнята в пользу государства и уже была отдана какому-то ветерану труда, вся семья была лишена советского гражданства, дипломы о высшем образовании были сданы, потому что вывозить их было запрещено. Практически образцовая, создаваемая в течение многих лет советская семья перестала официально существовать. То есть она как бы была, но в то же время ее уже не было.

Все мосты были сожжены, пути отступления отрезаны, возврата назад больше не было. Родственникам и знакомым была роздана мебель, одежда, постельное белье, книги. Как бы по одному взмаху волшебной палочки семья превратилась в бомжей. Если бы в этот момент выезд по каким-либо причинам не состоялся, Борькина семья оказалась бы на улице. Единственное, что давало силы пережить эту довольно сложную ситуацию, это абсолютная уверенность в том, что на новой родине все будет несравнимо лучше. А тогда зачем все это барахло? Мысль о том, что это так называемое барахло с трудом зарабатывалось, с помощью больших связей доставалось, много лет накапливалось и часто являлось предметом семейной гордости, старались отогнать, как назойливую муху.

То, что в Америке все будет намного лучше, чем дома, сомнению не подвергалось. Борькина семья жила неплохо по советским меркам, но кое-чего все-таки не хватало. Хотелось бы иметь немножко долларов, купить машину, поехать

в отпуск на остров Кюрасао или хотя бы на Лазурный берег и прикупить фирменных шмоток. Собственно, это было и все, чего не хватало большинству советских людей. У тех, кто был наверху или работал за границей, это все было, поэтому они были абсолютно счастливы и в своей стране.

Борькины родители ехали за этим счастьем на другой конец света. В том, что там их ожидает абсолютное счастье, никаких сомнений не было. По-другому быть попросту не могло, там они получат все, чего им здесь так не хватало.

Наконец настал день отъезда. Процедура прощания достигла своего эмоционального апофеоза. Дедушки и бабушки рыдали навзрыд, предполагая, что больше никогда в жизни не увидят своих детей и внука. Родители крепились и старались убедить стариков, что, как только они обустроятся, тут же заберут их к себе, тех, в свою очередь, одолевали смутные сомнения.

Папа прощался со всеми, не спуская при этом глаз с драгоценных лыж. Мама не знала, куда пристроить каракулевую шубу, потому что в свернутом виде она занимала полчемодана, а о том, чтобы надеть ее на себя, не могло быть и речи – на улице стояла сорокоградусная жара. Борька тренировался с двадцатикилограммовой ручной кладью, чтобы со стороны это выглядело так, как будто бы внутри была подушечка из лебединого пуха.

Вначале Борьке с родителями предстояло доехать на поезде до Москвы, дальнейшее путешествие планировалось про-

делать на самолете. Все родственники и знакомые несли еду, причем в таком количестве, что казалось: семья будет добираться до столицы на гужевом транспорте в течение нескольких месяцев. Жареные курочки, вареные яйца, запеченные с чесночком баклажаны испускали уже сейчас достаточно пикантный аромат, которому предстояло в поезде, на сорокоградусной жаре, превратиться в настоящее зловоние.

Итак, под прощальные вопли друзей и родственников семья была загружена в скорый поезд, и пронзительный гудок поставил последнюю жирную точку в их на самом-то деле довольно счастливой и насыщенной событиями жизни в этом прекрасном городе, на берегу теплого, синего и до боли любимого моря.

В поезде Борьке было строго-настрого запрещено рассказывать о том, что семья уезжает за кордон. Патриотические настроения в то время в стране были достаточно сильны, и советская пропаганда клеймила отъезжающих как отщепенцев и предателей Родины. Шанс наткнуться в поезде на какого-нибудь ура-патриота был достаточно высок, поэтому для особо любопытных была придумана версия, что семья едет по работе отца на дальний север. Огромное количество зимней одежды, в том числе каракулевая шуба, а также лыжи, очень хорошо вписывались в эту историю.

Дорога до Москвы прошла довольно спокойно. Еды, принесенной провожающими, хватило всему вагону до самой столицы. Даже в соседнем вагоне Борька видел, как какой-то

мужик закусывал водку бабушкиными фирменными, запеченными с чесноком, баклажанами.

На Киевском вокзале нужно было взять такси до аэропорта. Цепкий взгляд таксиста сразу же выделил живописную Борькину семейку. С первой же секунды он понял, о чем идет речь, и рассказывать ему историю о поездке на дальний север было совершенно бесполезно. Подойдя к родителям, он с наглой ухмылкой сообщил, что именно он специализируется на перевозке иммигрантов, а если они все-таки поедут с кем-нибудь другим, то рискуют вместо аэропорта оказаться напрямиком на Лубянке, со всеми вытекающими последствиями. Пугливо озираясь по сторонам, Борькины родители согласились, хотя водила заломил астрономическую по тем временам цену в сто рублей.

Семья загрузилась в такси и тронулась в сторону аэропорта. Столичный международный аэропорт был своего рода государством в государстве, он жил по своим собственным законам. В отличие от других московских аэропортов туда нельзя было добраться ни на электричке, ни на автобусе. Единственным возможным транспортом было такси, и все перевозки жестко контролировались криминальными группировками, которые, в свою очередь, обязаны были делиться любой информацией с органами.

Все эти проблемы в данный момент Борьку совершенно не волновали, ему было все страшно интересно, еще бы, он улетал в Америку, и все ему жутко завидовали.

Вдали появились контуры аэропорта, радостное возбуждение Борьки достигло своего апогея, он уже мысленно видел себя сидящим в салоне иностранного самолета и потягивающим через соломинку восхитительную кока-колу.

Что же касается Борькиных родителей, то они находились в полуборморочном состоянии: папа непрерывно сосал валидол, мама нюхала валерьянку. Когда они подъехали к аэропорту, их состояние было уже предынфарктным. В ближайшие часы им предстояло самое страшное испытание в их жизни: переход государственной границы в летнее время, в зимней одежде и с лыжами, в которых находились контрабандные бриллианты. Все, что до этого казалось таким простым и безопасным, представлялось теперь в совершенно ином свете. Перед папой замаячил реальный срок за нарушение правил валютных операций и контрабанду.

Глава 9. Влад

Шел семидесятый год, Влад заканчивал школу. Предстояло поступление в университет. Попасты в разведчики было легче всего после юрфака, но поступить на него было чрезвычайно сложно. Шансы пройти конкурс на общих основаниях были практически равны нулю. В школе Влад звезд с неба не хватал, успехи в учебе были очень скромными. Сдавать на юрфаке нужно было гуманитарные предметы, а оценки за них – дело очень субъективное. Всегда можно сказать, что абитуриент не раскрыл тему, неправильно расставил акценты, не отметил роль рабочего класса, не показал руководящую роль партии. Это означало, что сдающие экзамены были полностью в руках преподавателей, экзамены принимающих. И здесь была очень большая проблема. Члены приемной комиссии были связаны по рукам и ногам списками.

Первым по рангу шел ректорский список. Все, кто был в него внесен, могли считать себя студентами, не сдав еще ни одного экзамена. Это были дети и родственники крупных городских аппаратчиков и руководства университета. Попасты в этот список Влад не мог по определению.

Вторым по значению был список декана. Здесь были детишки руководителей рангом ниже: университетских профессоров и просто нужных людей. Влад не был ни тем, ни другим, ни третьим.

Была еще одна категория льготников. Они не были детьми высокопоставленных родителей, золотых медалей за отличную учебу у них тоже не было, потому что в школе они бывали не так уж часто. Впоследствии они создавали славу родному университету, завоеывая для него золотые медали, но не за успехи в учебе, а за спортивные победы.

Высшее руководство требовало от университета спортивных успехов. Вырастить большого спортсмена за время учебы в вузе было практически невозможно, поэтому гораздо легче было принять уже спортсмена готового. Но принять его в вуз было только половиной дела, потом его надо было еще пять лет учить. Каждую сессию декан должен был просить доцентов и профессоров, поставить студенту-спортсмену очередную положительную оценку.

Вот тут-то и видел Влад свой единственный реальный шанс, и он не должен был его упустить.

Шел семидесятый год, и вся страна готовилась к великому празднику – столетию со дня рождения Вождя. Этому событию посвящалось все. Не только ввод в строй заводов, домен, электростанций и полеты в космос, но и спортивные победы. Имя Вождя всегда употреблялось в сочетании со словами «великий», «могучий», «гениальный». Во всем он был самый-самый. Самый человечный, самый умный, самый добрый. Огромные гранитные и бронзовые памятники, стоящие по всей стране, как бы подтверждали это.

Влад, как и все советские дети, никогда, ни на минуту в

этом не усомнился. Но однажды Влад со своим классом оказался на экскурсии в музее Октябрьской революции. И там он увидел одежду Вождя. Маленькие, похожие на детские, ботиночки, коротенькие штанишки, кургузый пиджачок. Как-то острая жалость вдруг пронзила его. Ему казалось, что он понял, насколько одинок и несчастен был этот пожилой и тяжело больной человек. Трагическими были его последние годы, когда он видел, как по его вине страна погрузилась в пучину голода, террора и Гражданской войны, как погибали миллионы людей, как покидали родину ее лучшие сыны. С этого дня в душе Влада появится сомнение в величии и гениальности Вождя. Спустя многие годы Влад поинтересуется, как такой занятой и больной человек смог написать такое огромное количество книг.

Окажется, что большая часть огромного собрания сочинений – на самом деле просто документы Совнаркома, им подписанные.

И вот в канун великого праздника в городе должны были состояться соревнования по самбо. Участвовать в них, а тем более победить, считалось особой честью, потому что это связывалось с именем Вождя. Влад прошел отборочные соревнования и был одним из участников. Он понимал, что ему дается шанс и упустить его он не может.

Влад тренировался как одержимый, все свободное от школы время проводил в спортзале. Дома продолжал качать руки гантелями, отжиматься и подтягиваться. Даже на встре-

чи с Мариной не было времени.

И вот этот день настал. Влад шел на соревнования как на свой последний и решающий бой. Все будущие соперники были его смертельными врагами. Некоторые из них были сильнее его физически, но Влад знал, что все происходит в голове и побеждает тот, у кого есть цель и кто сильнее духом.

Первенство города прошло для Влада как в тумане. Его били без пощады, он отвечал тем же. На теле не было ни одного живого места, все болело, ныло, жгло. Иногда ему казалось, что он сейчас упадет и больше никогда не поднимется. Но он устоял, выдержал и победил. Влад стал чемпионом города среди юниоров. Так он достиг своей первой большой цели. Дорога в университет была открыта.

Начались выпускные экзамены в школе. Результаты могли оказаться очень плачевными, последние месяцы времени на учебу у Влада не было. Единственная надежда была на Марину. Не только потому что она была круглой отличницей, на то была еще одна причина.

Мама Марины была в родительском комитете, а институтский друг папы заведовал отделом в гороно. Эта многообещающая комбинация означала, что накануне экзамена можно было узнать темы сочинения и содержание контрольной по математике, которые присылались из гороно в закрытом конверте.

Мама же могла с помощью учителей исправить пару ошибок в сочинении и контрольной по математике еще в школе.

Самое главное было при исправлении ошибок пользоваться той же ручкой, которой была написана работа. Сочинения и работы по математике проверялись комиссией горно, поэтому любое влияние со стороны было проблематично. Остальные экзамены принимались школьными учителями, поэтому с этим было несколько проще.

Прием экзаменов теми, кто обучает, был очень интересной особенностью советской системы образования. Результат был легко предсказуем и, естественно, устраивал обе стороны. Неприятные сюрпризы были практически исключены, провалы и пересдачи – чрезвычайно редки.

Советская система образования была совсем не плохой. Все сводилось на нет порочной системой приема на учебу и проверки знаний.

Во всем мире дети в шести-семилетнем возрасте дружно идут в начальную школу недалеко от дома. Через несколько лет, к моменту окончания школы, когда становится ясным, кто на что способен, детей делят примерно на три группы. Самые слабые идут в низшую школу, окончив которую, можно стать безработным или разнорабочим, а иногда получить квалифицированную рабочую профессию. Следующая по трудности школа дает возможность получения среднего специального образования. Самые же лучшие идут в гимназию, а после нее – в университет. Переходы из школы одного уровня в школу уровня, более высокого, не запрещены, но очень редки – слишком сильно отличаются по трудности

учебные программы.

Богатым родителям тупых детей после начальной школы остается только одно: отдать свое чадо в частную школу, где оно по крайней мере будет в приличном обществе. В низшей школе частенько бывает сложная криминальная ситуация. В дальнейшем теоретически возможно поступление в дорогой частный университет на несложную специальность, больше для повышения общего уровня развития. После гимназии отличники идут учиться на врачей и юристов, хорошисты – на инженеров и учителей, троечники на социальных работников и филологов. Самые же умные становятся математиками и физиками. О списках ректора, декана и председателя приемной комиссии никто никогда не слышал.

Все важные экзамены, включая выпускные в школе, а также заключительные в средних и высших учебных заведениях, принимаются комиссиями, состоящими из людей, не знакомых с экзаменуемыми. Пересдавать экзамен можно один, иногда два раза, после чего неудачник получает пятилетний запрет на следующую сдачу.

Из ста поступивших в университет студентов диплом получает одна треть, остальные по разным причинам отсеиваются. Это считается совершенно нормальным явлением.

Результатом этой системы образования являются вызывающие зависть медицина, красивые машины и хорошие дороги. Все без исключения выпускники университетов говорят по-английски, а тупые чада богатых и влиятельных ро-

дителей не сидят на важных постах в министерствах. Работа за границей чем-то особенным не считается. По знакомству и рекомендации с удовольствием на работу берут, но не оставляют, безжалостно изгоняя ленивых и некомпетентных, независимо от того, кто их пристроил.

Каждый год, весной, среди выпускников школ проводится опрос о самых престижных специальностях. На первых местах традиционно стоят врачи, адвокаты, пожарные и полицейские. Самые непрестижные, нижние строчки занимают правительственные чиновники, политики, профсоюзные деятели и дипломаты. Об этих профессиях молодежь не мечтает.

В советской, а потом и в российской школе, как известно, детишки, пришедшие в первый класс, вместе потом дружно учились до класса десятого. Трудно представить, с какой сложной задачей сталкивались учителя. Через пару лет в классе образовывались три группы детей: сильные, средние и слабые. То, что нужно было сильным, было для слабых совершенно неприемлемым, и наоборот. Бедные учителя совершенно не понимали, как вести урок, на котором сильные ученики откровенно скучали, средним надо было объяснять два-три раза, а слабые ни слова не понимали. Так и мучились несчастные учителя десять лет, натягивая оценки и перетаскивая деток из класса в класс. Оставить на второй год можно было только одного ученика, и это считалось позором. А потом были экзамены, которые, естественно, принимали са-

ми учителя, поэтому положительные оценки были гарантированы всем.

Дальше начиналось самое интересное – поступление в институт или университет. Самые умные поступали на математический, физический факультеты или на информатику. Там не было списков, и связи были не нужны. Те, у кого были связи, оказывались по спискам в медицинском или юридическом. Средние и без связей поступали в политехнический, слабые – в педагогический, а самые слабые – в сельскохозяйственный. Потом была учеба, совсем не плохая, на довольно высоком уровне. Зачеты и экзамены иногда нужно было вымаливать, а позднее и покупать. Естественно, экзамены принимали те, кто учил, поэтому результат был заранее предсказуем. Потом были экзамены заключительные, которые сдавали все. Из ста поступивших дипломы получали девяносто. Это считалось нормальным.

Результаты такой учебы были плачевны. В стране была огромная детская смертность, продолжительность жизни была одной из самых низких в мире. Позднее в стране лечились только те, у кого не было денег, даже вырезать железы детям стали за границей.

Иногда дело доходило до абсурда. В одной из южных республик у ее главы был личный врач, одновременно главный терапевт республики и заведующая кафедрой медицинского института. У этой во всех отношениях замечательной женщины был сын – дебил. Это не помешало ему успешно закончить

мединститут и стать врачом институтской клиники. Дебилизм его был настолько ярко выраженным, что даже присутствие высокопоставленной мамы не давало ему возможности и права лечить людей. Руководство клиники поручило ему заниматься наглядной агитацией и оформлением красного уголка, с чем он и его мама безропотно согласились. Прошли годы, мама умерла. На следующий день после ее похорон сыну была вручена метла, и с тех пор он благополучно подметает двор клиники. Никаких возражений эта смена рода деятельности у него, как ни странно, не вызвала.

Результаты учебы инженеров и строителей были еще хуже. Много лет страна выпускала самые плохие в мире машины и строила самые отвратительные дороги. Что же касается сельского хозяйства, то тут можно было только плакать. Печальное состояние советской экономики очень хорошо отражалось решениями правительства. Регулярно публиковались постановления о мерах по улучшению в сферах строительства, машиностроения и сельского хозяйства.

Хуже, чем в сельском хозяйстве, дело обстояло только в дипломатии. Туда принимали исключительно детей самых-самых, независимо от их умственных способностей. Для удобства институт международных отношений даже вывели из системы высшего образования и подчинили непосредственно Министерству иностранных дел. Результатом этого стали перманентные провалы поздней советской и всей российской дипломатии. Весь мир просто перестал воспри-

нимать ее всерьез. Иногда, когда видишь российских дипломатов, участвующих в политических шоу и с перекошенным ртом, используя приклатненную лексику, доказывающих свои сомнительные тезисы, хочется предложить им попробовать свои силы в торговле на колхозном рынке.

В самой крупной европейской стране, славящейся также и своими дипломатическими успехами, специальности «дипломатия» не существует вообще. Дипломатом может стать человек, окончивший университет по любой специальности и знающий в совершенстве два иностранных языка. Каждый год набирают около пятидесяти человек из примерно двух тысяч претендентов, то есть конкурс составляет примерно сорок человек на место. Предпочтением пользуются, как ни странно, математики. Может быть, когда-нибудь и в России вернуться к практике ранних лет советской власти, когда на дипломатическую службу брали зрелых, хорошо себя зарекомендовавших специалистов. Тогда с российскими дипломатами считались все.

Только советские и российские математики, физики и программисты всегда соответствовали лучшему мировому уровню. Они поступали без списков, экзамены сдавали без денег и на работу устраивались без протекции. Постановлений правительства об улучшении их работы не было. Они без проблем находили и находят себе работу в любой стране мира.

И вот в этой неравной, казалось бы, заранее обреченной

на неудачу борьбе Владу предстояло принять участие. Марина помогала ему как могла, у нее самой никаких проблем с экзаменами не было, она была отличницей. Влад писал диктанты под ее читку, сочинения на придуманные Мариной темы. Она проверяла его по истории и литературе. Марина самоотверженно помогала Владу, хотя на самом деле у нее были совсем другие планы. Марина не хотела, чтобы Влад поступил на юрфак и стал разведчиком. На это у нее были веские причины. Втайне она надеялась на то, что Влад провалится на вступительных экзаменах или не пройдет по конкурсу. Также как и мать Влада, Марина хотела, чтобы он пошел на завод, заочно закончил политех и стал инженером, как ее отец.

Школьные экзамены были сданы, и на удивление совсем неплохо.

И вот настал день, когда Влад переступил порог университета. Заполняя дрожащей рукой анкету абитуриента, он ясно осознавал, что у него есть только два плюс-пункта – рабочее происхождение и успехи в спорте. Будет ли этого достаточно, Влад не ведал.

Влад не мог знать, что его расчет оправдался. Нет, он не попал в ректорский список, также не попал он и в список декана. Но завкафедрой физкультуры, просматривая анкеты, отложил его заявку в сторону и попросил председателя приемной комиссии посодействовать, если будет возможность. Гарантий, конечно, никаких не было. Но Влад неплохо сдал

экзамены, кроме того, прием на юрфак был в последнюю минуту неожиданно увеличен на двадцать пять человек.

До последней минуты Влад сомневался. Наконец настал день, когда были вывешены списки зачисленных. Влад искал свою фамилию, и казалось, что сердце сейчас выскочит из груди. И вот его глаза наткнулись на слова: «Гутин Владлен». Влад понял, что поступил. Вторая большая жизненная цель была достигнута, еще на один шаг он приблизился к своей заветной мечте. Влад понесся к Марине, она должна была узнать об этом радостном событии первой.

Глава 10. Иса

Иса не помнил, как он добрался до дома. Какой-то туман окутывал его. Перед глазами стояли фантастические картины, которые он увидел на берегу. Дома все уже спали. Иса поднялся на плоскую глиняную крышу дома. Вдалеке был виден небольшой кусочек океана и слегка слышен шум прибоя. Иса чувствовал, что разговор не окончен и он должен увидеть и услышать продолжение. Иса долго вслушивался и всматривался вдаль, и вдруг он опять увидел «это».

Человек лежал в пыли, и казалось, что он был мертв. Но вдруг он вздрогнул, зашевелился и открыл глаза. Какое-то время человек лежал и смотрел в небо. Потом он поднялся, неуверенно сделал несколько шагов, посмотрел по сторонам и пошел. По какой-то непонятной причине он пошел в ту же сторону, куда уже летели птицы и шли звери. Человек был совершенно гол, тело его покрывали густые темные волосы. У него была широкая мощная грудь, длинные крепкие руки, и было видно, что это был мужчина. Человек шел уверенным шагом, и казалось, что он продолжает путь по земле, начатый им много лет назад. Но это было не так у всех людей, очнувшихся в тот день, это было началом сознательной жизни, хотя им казалось, что они жили всегда.

Человек шел, повинуюсь какому-то странному чувству, которое гнало его вперед. Он шел по холмам и долинам. За-

кончился день, и наступила ночь, стало темно, человек не мог двигаться дальше. Тогда он сел на теплую землю и быстро уснул. Когда рассвело, он пошел дальше. Вскоре у него появилось какое-то непонятное чувство, ему чего-то не хватало. Так впервые человек почувствовал голод. Рядом с ним летели птицы. Иногда птицы садились на кусты и начинали клевать какие-то яркие плоды. После этого их настроение явно улучшалось и они весело летели дальше. Они как бы говорили ему: «Попробуй, это очень вкусно». И человек сорвал ярко-красный плод и начал его есть. Плод был очень сладок и сочен. Странное чувство в животе исчезло, и он пошел дальше. Так человек впервые узнал вкус яблока. Он шел дальше и пробовал другие фрукты: желтые, зеленые, они тоже были сладкие и сочные, но вкус первого яблока человек запомнил навсегда.

Человек шел дальше, он видел горы, поля, леса. Он шел молча, но однажды он заметил, что все птицы и звери открывают рты и издают разные звуки. Птицы свистели, пищали, чирикали. Звери рычали, визжали, ревели. Тогда человек тоже открыл рот и закричал, птицы испуганно шарахнулись в сторону. Потом он начал тихо шептать, и птицы тут же вернулись обратно. Человек понял, что голосом он может угрожать одним и привлекать других.

Однажды он увидел, как небольшой зверек с удовольствием лакает воду из лужи. Человек лег на землю и начал пить. Так он узнал, что жажду можно утолять не только плодами,

но и водой. Он шел дальше, сладких и сочных плодов становилось все меньше и меньше, а ночи были все холоднее и длиннее.

А потом он увидел, как крупный зверь загрыз оленя и начал есть его мясо. Наевшись, зверь затрусил дальше, и тогда человек впервые попробовал мясо. Вкус мяса был не очень приятен, но после него человек почувствовал необыкновенный прилив сил и ему стало тепло. Так он узнал, что есть можно не только плоды, но и животных. Это его очень обрадовало, потому что плоды можно было найти далеко не всегда, а живности кругом было полно.

Иногда человек видел таких же людей, как он сам, волосатых, поросших шерстью мужчин. Они недружелюбно смотрели исподлобья, и у него не возникало никакого желания пообщаться с ними поближе. Тогда еще человек думал, что он обречен жить один.

Однажды человек увидел мертвого барана, вернее, то, что от него осталось. Хищники съели мясо и кости, птицы выклевали остатки, а высушенная солнцем шкура осталась лежать на камнях.

Человек проспал ночь на шкуре, и ему так это понравилось, что он не захотел с ней расставаться и взял ее с собой. Но шкура мешала ему идти, и тогда он обмотал ее вокруг себя и закрепил с помощью лианы. Так человек начал носить одежду.

Прошли недели, месяцы, а он все шел. И однажды, оказав-

шись на высоком холме, он увидел то, к чему так давно стремился. Удивительно синее небо заполняло собой весь горизонт. Внизу же, там, где небо обычно переходило в горы или леса, в этот раз было что-то другое. Ярко-синяя вода простиралась до горизонта и, уходя дальше, сливалась с небом. Легкий ветер приносил с собой какие-то удивительные запахи, которые волновали и возбуждали его. Это был океан. Человек не знал, куда он шел все это время. Он просто шел туда, где был рожден.

Все живое всегда стремится к месту своего рождения. Рыбы годами живут по всему океану, но, достигнув зрелости, проплывают тысячи морских миль, чтобы добраться до того места, где они были рождены, и принести потомство, иногда ценой своей жизни. Птицы пролетают огромные расстояния, чтобы отложить яйца там, где они сами появились на свет, даже если это голые скалы в холодном полярном океане. Морские черепахи совершают за двенадцать лет кругосветное плавание, а потом безошибочно находят место своего рождения и сами приносят потомство. Как и почему они это делают, они не знают сами. И для людей место их рождения является святым, их влечет туда всю сознательную жизнь, и часто они завещают себя там похоронить.

Человек подошел к берегу, его переполняла радость, он начал громко кричать, океан что-то ему отвечал. Человек зашел в воду, начал хлопать по ней ладонями, поливать себя. Он почувствовал, что его тело как бы потеряло часть веса и

стало намного легче. Около его ног с любопытством плавали рыбы, и он тоже пытался плыть как они. Вначале он подумал, что воду можно пить, но она оказалась соленой, совсем противной. По вкусу она напоминала красную жидкость, которая однажды выступила у него на руке, когда он поранил ее острым сучком.

Человек провел несколько часов в воде, он не хотел из нее выходить. Он чувствовал себя тепло и уютно, как чувствуем мы себя, вернувшись через много лет в родительский дом. Стало темно, пошел сильный дождь. Человек в изнеможении вышел из воды, дождь смыл с него соленую воду. Он дошел до ближайшего развесистого дерева и уснул, прикрывшись бараньей шкурой.

Когда человек проснулся, было уже светло. Какое-то неизвестное ему блаженство разливалось по всему телу. Он долго лежал и смотрел на море. Впервые в жизни ничто не гнало его больше вперед, ему больше не надо было никуда идти, цель была достигнута. И тут взгляд его случайно упал на его собственное тело, и человека пронзил страх. Это было другое тело. Темные свалывшиеся волосы стали светлыми и шелковистыми. Но не это было главное – все его тело было совершенно другого цвета. Из грязного, темного, закопченного оно стало светлым, чистым и не испускало больше резкого неприятного запаха. Это чудо совершила соленая морская вода, человек стал другим. Так произошло первое в истории омовение. И многие тысячелетия спустя крещение,

как бы второе рождение, всегда будет связано с водой.

Долго рассматривал человек свое тело так, как будто видел его первый раз в жизни. Когда он поднял глаза, его как будто ударило током – в нескольких метрах от него кто-то стоял.

Нет, это не было одно из тех неприветливых, заросших шерстью, похожих на него самого существ. Они старались обходить друг друга стороной, испытывая при этом глубокое обоюдное недоверие. Это существо было чем-то похоже на него. У него была, вероятно, тоже после купания, такая же белая кожа. Оно стояло на двух ногах, имело две руки, но на этом, пожалуй, все сходство и заканчивалось. У этого существа не было густых волос на теле, руки были не такие длинные и мускулистые, как у него. Плечи у него были не такие широкие, а бедра не такие узкие. Но все-таки не это было самое главное. Самое интересное было то, что там, где заканчивались ноги, у него тоже были волосы, но не было отростка. Из этого загадочного отростка у человека время от времени вытекала какая-то жидкость. Кроме того, просыпаясь по утрам, человек замечал, что этот отросток становится очень твердым, и это, как ни странно, ему нравилось. Человек смотрел на это место и не мог оторвать глаз. Какая-то сила притягивала его взгляд. А существо, стоящее перед ним, не могло в свою очередь оторвать взгляд от его отростка.

Когда они встретились взглядами, человек не увидел в его глазах страха – в них было любопытство. Человек понял, что

если он сейчас громко закричит, то существо испугается и убежит, а ему этого почему-то не хотелось. Что-то в этом существе притягивало взгляд человека, ему хотелось продолжать смотреть на него. Человек вспомнил, что когда он проносил тихие звуки, то птицы не улетали прочь, а с интересом его рассматривали. Тогда он начал что-то шептать. Человек пытался рассказать, как долго он шел, как он наконец достиг цели. Это не были слова, это были просто звуки. Но эти звуки были наполнены такими сильными чувствами, что казалось: существо его очень хорошо понимает. В какой-то момент существо что-то услышало и, рассмеявшись, показывая на человека рукой, вопросительно произнесло: «Адэм?» – «Адэм, Адэм», – радостно закивал человек.

Потом настала очередь существа. Оно пыталось поведать, как, дойдя до берега моря, оно долго купалось, как к ней подплывали рыбы, а дельфины пытались ей что-то рассказать. Существо показывало на себя рукой, объясняя, как ее кожа из темной и грязной стала светлой и шелковистой. И вдруг человек, услышав что-то, рассмеялся и, показывая на существо рукой, вопросительно произнес: «Эфа?» – «Эфа, Эфа», – радостно закивало существо.

Так человек и существо дали друг другу первые имена – Адэм и Эфа. Так будет всегда: люди будут получать имена и прозвища от окружающих, они же будут и характеризовать их как умных или глупых, смелых или трусливых, добрых или злых, щедрых или жадных. Страны, также как и люди,

получают свои названия от пришельцев и завоевателей.

Адэм и Эфа продолжали стоять друг против друга и с интересом наблюдать друг за другом. Адэм вдруг почувствовал, что ему хочется чем-то обрадовать Эфу, сделать так, чтобы она не ушла. И тут его взгляд упал на стоящее рядом дерево, усыпанное крупными красными плодами. Адэм несколько раз пробовал их и знал, что они очень вкусные. Он сорвал самый красивый плод и протянул его Эфе. С опаской взяв яблоко, она вначале очень долго его рассматривала. Потом, собравшись с духом, поднесла ко рту и надкусила. Яблоко было очень сладким и сочным, и Эфа с благодарностью посмотрела на Адэма. Он понял, что она не боится его больше. Адэм чувствовал, что теперь он может сделать следующий шаг.

Адэм видел, что, кроме того, что у Эфы, судя по всему, между ног не было отростка, на груди у нее, в отличие от него, было два бугра. Адэм осторожно дотронулся до одного из них, Эфа не протестовала. Тут он почувствовал, как под его рукой вершина этого бугра стала затвердевать и увеличиваться в размере. Тогда он потрогал другой, и с тем произошло то же самое. Эфа не протестовала и, судя по всему, уходить не собиралась. Но все-таки Адэма больше всего интересовало, есть ли у Эфы отросток между ног. И тогда его рука начала медленно опускаться от груди по животу, пока не достигла волос на лобке. Эфа стояла, плотно сжав бедра. Адэм продолжал трогать волосы внизу живота, он подумал,

что, возможно, отросток находится где-то глубже между ног. Он попробовал засунуть руку поглубже. В первый момент это не получилось, но тут Эфа расслабила бедра и немного раздвинула ноги. Неожиданно рука Адэма почувствовала что-то влажное. Он продолжал трогать это место, и ему стало ясно, что вместо отростка у Эфы есть влажное и очень привлекательное место. В этот момент она вдруг взяла в руку отросток Адэма, и он неожиданно начал твердеть и увеличиваться в размерах. Какое-то странное, незнакомое чувство стало охватывать Адэма. Он поднял голову и встретился с Эфой взглядом. То, что он увидел в ее глазах, потрясло его. В них была какая-то неистовая, влекущая, засасывающая глубина. Казалось, они кричали: не останавливайся, иди дальше, и ты узнаешь что-то такое, что навсегда перевернет всю твою жизнь. Адэм продолжал ласкать влажное место между ног у Эфы, а она – гладить его отросток, который становился все тверже и длиннее. Адэму хотелось прижаться к ней, стать с ней одним целым. Вдруг его отросток оказался как раз напротив ее влажного места, и это прикосновение как бы захлестнуло его теплой сладкой волной. Он стал водить по влажному месту своим отростком. Эфа начала стонать, у нее закружилась голова. Тогда она вначале присела, а потом легла на спину, притягивая за собой Адэма. И вдруг он почувствовал, что его отросток вошел в какое-то отверстие, которое оказалось между ног у Эфы. Оно было довольно глубоким, но Адэму неудержимо хотелось войти еще и еще глуб-

же. Эфа двигала бедрами, как бы увлекая его за собой в бездонную пучину наслаждения. Она стонала, а ее ногти раздирали в кровь спину Адэма, но он при этом не чувствовал боли. И вдруг какая-то судорога пронзила все его тело, и стон наслаждения вырвался из его губ. В ту же секунду Эфе показалось, что ее тело стало невесомым и она взлетает к звездам. Крик восторга вырвался наружу, и в это мгновение сильная боль пронзила все тело, разорвалась ее девственная плева, и она закричала, на этот раз уже от боли.

Так мужчина впервые узнал женщину, а женщина впервые впустила в себя мужчину. Так и будет всегда в мире: он будет получать наслаждение, а для нее это удовольствие будет заканчиваться страшными муками рождения, а иногда и смертью.

Когда Адэм пришел в себя, Эфа лежала рядом, что-то тихо шептала и нежно гладила его грудь.

Так они стали жить вместе. Адэм ловил с помощью острой палки рыбу, а Эфа чистила ее и вялила на солнце. Иногда ему удавалось оторвать кусок мяса от недоеденной крупными хищниками туши оленя. В лесу было много вкусных плодов и орехов. Они занимались любовью по несколько раз в день, потом купались и играли в воде. Адэм и Эфа были бы абсолютно счастливы, если бы не одно но.

В душе Адэма поселилась какая-то неясная тревога, которая с каждым днем становилась все больше и больше. Все началось с того, что однажды утром Эфа проснулась от боли

и увидела, что ее бедра покрыты кровью. Адэм знал, что животные, у которых из ран текла кровь, очень быстро от этого умирали. Адэм решил, что это его вина, и несколько дней не трогал Эфу. Она регулярно подмывалась морской водой, и через несколько дней кровотечение и боль прошли. Через некоторое время все повторилось сначала, и это был последний раз, больше этого не было.

Прошло несколько месяцев, и что-то в Эфе стало другим. Изменилось ее лицо, оно стало не таким привлекательным, покрылось какими-то пятнами. Занятия любовью не доставляли ей больше такой радости, как раньше. Кроме этого, у Эфы начал расти живот. Он все время становился больше и больше, и вместе с ним росла тревога Адэма.

Но было еще кое-что, что очень беспокоило Адэма. Когда он шел к морю, то иногда вдалеке он видел огромных, медленно движущихся, горбатых монстров. Адэм чувствовал исходящую от них опасность, поэтому обходил их подальше и не искал с ними встреч. Последнее время Адэм с тревогой замечал, что их становится все больше и больше и они подходят все ближе и ближе. Часто он видел огромные яйца и маленьких, противно кричащих детенышей монстров. Какое-то чувство подсказывало ему, что яйца надо разбивать, а маленьких гаденышей душиить на месте, что он и делал. Пару раз ему в последнюю секунду удавалось избежать встречи с чудовищем только благодаря тому, что монстры не очень хорошо видели. Они чувствовали тепло, исхо-

дящее от человека, и поэтому спрятаться от них можно было только в какой-нибудь глубокой яме.

И однажды Адэм принял решение: они должны отсюда уходить. Оставаться дальше было слишком опасно. Эфа с ее огромным животом была очень неповоротливой и могла стать легкой добычей монстров. Адэм решил, что идти надо в сторону гор, на крутых склонах монстрам будет труднее их преследовать. Эфа беспрекословно согласилась, и они пошли.

Несколько дней они двигались в сторону гор, но до них было еще очень далеко. Эфе идти было тяжело, и поэтому шли они очень медленно. Адэм знал, что монстры охотятся в основном ночью, когда их жертвы в темноте плохо видят, а монстры чувствуют тепло, исходящее от них. Поэтому Адэм и Эфа шли только днем, а по ночам отдыхали. И все-таки монстры их настигли.

Адэм услышал этот звук, он его хорошо знал. Это был звук неотвратимой беды, опасности, которой нельзя было избежать. Если бы Адэм был один, он знал, что нужно было делать в этом случае. Лечь на землю и забросать себя мокрыми листьями, и тогда монстр пробежал мимо. Но он был с Эфой, и забросать себя и ее листьями можно было и не мечтать – на это бы не хватило времени, и монстр бы их настиг.

Они долго бежали. Адэм раздвигал и ломал ветки, помогая Эфе продираться через кустарник. Но силы были неравны, монстр своими гигантскими ногами легко подминал под

себя труднопреодолимые для человека заросли. Из его пасти вырывался леденящий душу клекот, казалось, он дико хохотал в предвкушении легкой добычи. Эфа со своим огромным животом бежала все медленнее и медленнее, а монстр был все ближе и ближе. Адэм напрягал все свои силы, но развязка неотвратимо приближалась. Он знал, что будет защищать Эфу до последнего вздоха, и если они погибнут, то только вместе.

И вдруг Адэм почувствовал, что что-то неожиданно изменилось. Стало очень тихо, Эфы не было, она исчезла. Адэм начал вначале тихо, а потом все громче и громче ее звать. Ответа не было, Эфа бесследно исчезла. Монстр был настолько близко, что Адэм уже, казалось бы, слышал его зловонное дыхание. Помочь Эфе он уже ничем не мог, спастись самому небольшой шанс еще был. Адэм понесся дальше, не чувствуя под собой ног и напрягая свои последние силы. И в тот момент, когда казалось, что он сейчас упадет без чувств, Адэм вдруг понял, что монстр его больше не преследует. Ужас пронзил Адэма, причина была ему абсолютно ясна. Монстр нашел Эфу и в этот момент жрал ее. Он рвал на части это так любимое Адэмом тело, широкие бедра, которые обхватывали его в моменты любви, страстные руки, обнимавшие его, ее нежные губы, которые в эти мгновения сливались с его губами, ее груди, которые он так любил ласкать. Все это перемалывалось страшными зубами монстра и исчезало в его ненасытной глотке.

Так Адэм потерял самое дорогое, что у него было, – свою любовь. Жизнь без Эфы не имела для него больше никакого смысла, единственной ее целью теперь стала месть.

Так началась война людей с динозаврами. Война, которая длилась сотни тысяч лет, в которой люди не имели ни малейшего шанса и были обречены на поражение. Динозавры размножались с огромной скоростью, их становилось все больше и больше. У них не было врагов, их огромные размеры и гигантские острые зубы делали их непобедимыми. Им нужно было все больше и больше еды, и люди становились их самой легкой добычей. Кроме палок и небольших камней, люди не могли им ничего противопоставить.

Адэм шел дальше, он понял, что в лесу, на равнине у него не будет никаких шансов выжить. Какой-то инстинкт гнал его дальше, вдоль берега моря.

Через много дней пути Адэм увидел вдалеке горы, и он понял, что это его спасение. На крутых горных склонах огромные тяжелые динозавры были совершенно беспомощны. Адэм встретил здесь других людей, которые тоже искали спасения. И они стали жить вместе в пещерах, только так они могли спастись.

Но люди не могли все время сидеть в пещерах, спасаясь от динозавров. Людям была нужна еда, а в горах ее не было. В долинах было полно дичи. Олени, косули, козлы совершенно не боялись динозавров, они от них легко убегали, и те не могли их догнать.

Мужчины стали ходить на охоту. Пока одна группа отвлекала динозавров с помощью криков и камней, другая группа успевала окружить и забить палками пару оленей или кабанов и донести их до пещер. Из тех, кто отвлекал динозавров, кто-то обязательно не возвращался домой.

Когда Адэм встретил в горах других людей, он увидел, что среди них тоже были женщины. Но у каждой из них уже был свой спутник. Через некоторое время у многих из них начали расти животы и дурнеть лица, как и тогда у Эфы. Люди думали, что женщины больны, и стали изгонять их из пещер, боясь заразиться. Отверженные жили в отдельных пещерах, а их бывшие спутники из жалости приносили им еду.

Женщинам не хватало мужчин, и они были несчастны, потому что чувствовали себя брошенными. Тогда они стали заниматься любовью друг с другом, так возникла лесбийская любовь. И тысячи лет спустя именно женщины будут находить беременных особо красивыми и привлекательными, мужчины же будут молчаливо придерживаться противоположного мнения и часто их из-за этого оставлять.

Потом женщины стали рожать детей, но мужчины никак не реагировали на этих кричащих беспомощных созданий. Только когда дети подрастали и становились похожими на своих отцов, мужчины благосклонно разрешали женщинам вернуться в пещеру. Со временем отцы поняли, что их взрослеющие дети будут в будущем ходить на охоту и приносить им еду, когда у них самих уже не будет хватать на это сил.

Но дети не только приносили еду стареющим родителям, у них была еще одна обязанность – эту еду надо было пережевывать. Люди всю жизнь глодали кости, жевали сушеное мясо и рыбу, грызли орехи и зерна и при этом ломали зубы. К старости, которая наступала после тридцати лет, зубов у них оставалось совсем немного, а это означало голодную смерть. Поэтому люди стали целовать своих детей и близких в губы, обмениваясь при этом слюной, чтобы потом, в старости, не испытывать чувства брезгливости, доедая уже кем-то пережеванную пищу.

После того как Адэм потерял Эфу и встретил людей, у него долго не было женщины. Но однажды у одной из них партнер не вернулся с охоты – динозавр забрал себе очередную жертву. Узнав об этом, она подошла к Адэму, встала перед ним, слегка раздвинув ноги, и посмотрела ему в глаза. И опять Адэм увидел эту засасывающую, влекущую и молящую глубину женских глаз. Так у него появилась новая женщина. Но Адэм никогда не забывал свою любимую прекрасную Эфу, с которой он был так счастлив. Со временем Адэм понял, что отвратительное чудовище сожрало не только его любовь, но также и его нерожденного ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.